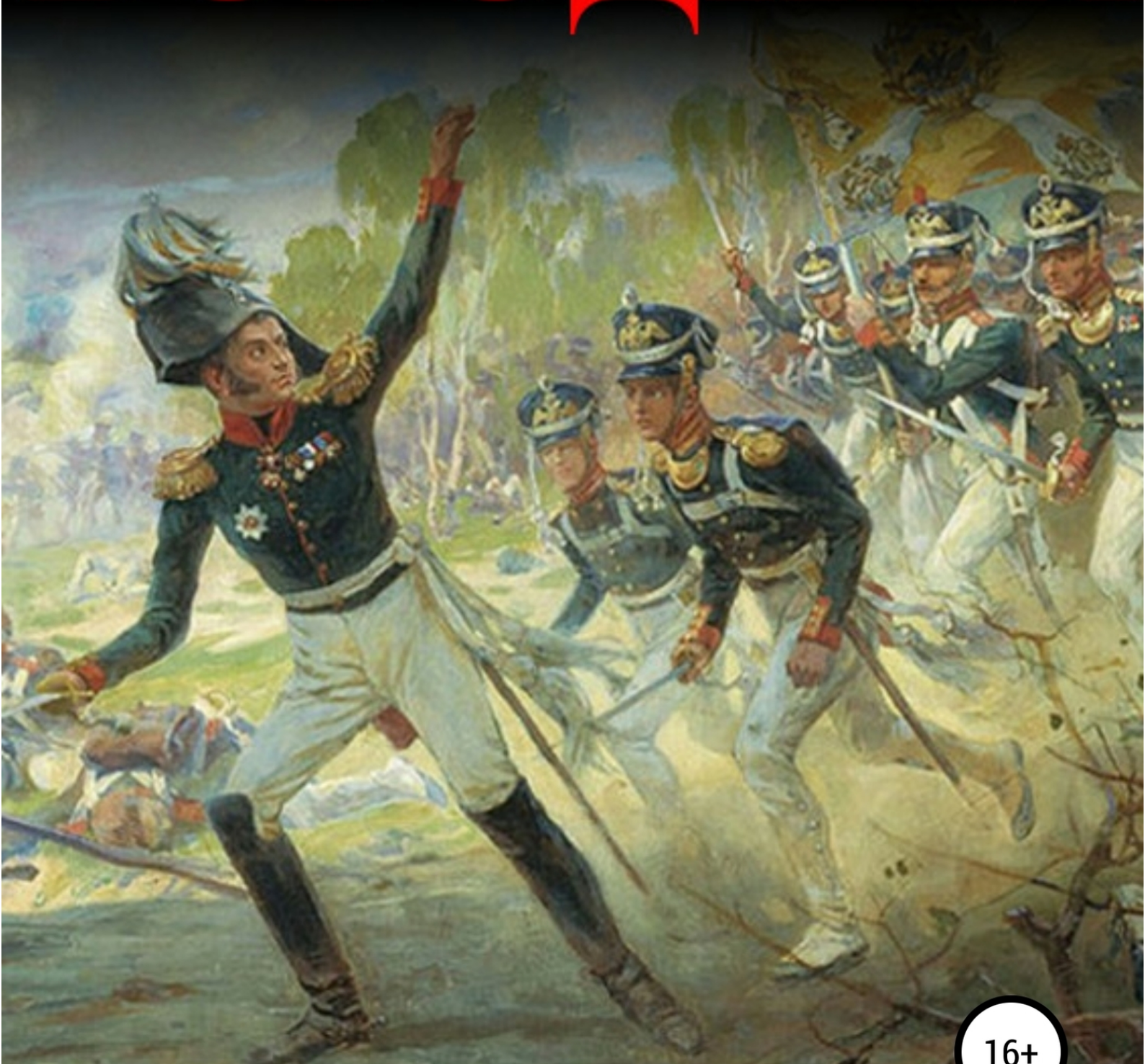

Александр Михайловский
Юлия Маркова

В ДНИ БОРОДИНА

16+

В закоулках Мироздания - 9

Юлия Маркова
В дни Бородина

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Маркова Ю. В.

В дни Бородина / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

7 сентября (26 августа) 1812 года На Бородинском поле разыгрывается самое масштабное и ожесточенное сражение в истории человечества, среди тех, что начались и закончились в один день. Но на этот раз исход битвы меняют события, которым суждено увести историю этого мира далеко в сторону от Главной Последовательности. Под священными алыми знаменами в битву вступает войско Артанского князя - и теперь французы не прорвутся к Москве, а Наполеона будет ожидать совсем другая судьба. Отныне именно Российской Империи, приобретшей небывалое влияние, предстоит решать судьбы ближайших соседей.

Содержание

Часть 33	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

В оформлении обложки использован фрагмент картины художника Н.С. Самокиш. «Подвиг солдат Раевского под Салтановкой», написанной к столетию Отечественной Войны 1812 года..

Часть 33

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:05. Московская губерния, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии* Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Примечание авторов: * большинство людей помнят Михаила Илларионовича Кутузова как фельдмаршала, но стоит помнить, что это звание он получил как раз по итогам Бородинского сражения только 11 сентября (30 августа).

Вот уже четыре часа длилось самое ожесточенное сражение в истории человечества. Гремели залпы орудий; от этого грохота даже распались и исчезли облака над полем битвы, но их с успехом заменили клубы белого порохового дыма, затянувшего место сражения плотной пеленой. Больше четверти миллиона солдат и офицеров сошлись на этом поле, чтобы в очередной раз решить судьбы мира. На кону стоял вопрос – быть или не быть всемирной империи Наполеона Бонапарта, ибо только Россия могла остановить очередного претендента рвущегося к мировому господству. Очередной завоеватель, опьяненный прежними победами, набрался дерзости для того, чтобы поучить русских как им жить, во что верить и кому платить подати. А дальше: «а ля гер, ком а ля гер».

Битва началась с отвлекающего удара на правом фланге савойской (итальянской) 13-й пехотной дивизии генерала Дальзона по укрепленной деревне Бородино, давшей название всему сражению. Эта деревня и так была для русской армии отрезанным ломтем, так как от основных сил ее отделяла речка Колоча. Оборонял деревню лейб-гвардии Егерский полк под командованием полковника Карла Ивановича Бистрома. Гвардейские егеря, атакованные с трех сторон вчетверо превосходящим противником, продержались на позиции около часа, после чего по наплавным мостам отошли к основным силам русской армии. Итальянцы, ободренные отступлением русских, попробовали вслед за ними перейти через Колочу, но были опрокинуты контратакой пришедшей на помощь гвардейцам 24-й пехотной дивизии и полностью истреблены. После этого смелого предприятия русских войск мосты были взорваны, и более на правом фланге французских атак не производилось.

Основной свой удар Наполеон нацелил на левый фланг русской армии, который был слабее правого (три пехотных корпуса против четырех), и позиции которого не были прикрыты серьезной водной преградой. Первой атаке 4-й и 5-й пехотных дивизий французов из 1-го пехотного корпуса маршала Даву подверглась занимавшая Багратионовы флеши 2-я сводно-гренадерская дивизия. Оттеснив егерей генерал-майора Шаховского, занимающих Утицкий лес, французская пехота стала строиться для атаки напротив южной флеши, но попала под картечный огонь и была опрокинута и рассеяна (а на самом деле отступила для перегруппировки в тот самый Утицкий лес).

В восемь часов утра эти две французские дивизии повторили атаку, и даже сумели захватить самую южную из трех флешей, но были выбиты оттуда контратакой свежей 27-й пехотной дивизии генерала Неверовского с фронта, а также Ахтырского гусарского и Новороссийского драгунского полков с фланга. Французы отступили, понеся большие потери в живой силе; кроме того, у них были ранены оба командира дивизий – граф Дессе и граф Компан, при падении с убитого коня контужен маршал Даву, из-за чего на некоторое время управление войсками 1-го пехотного корпуса оказалось утраченным, что, в свою очередь, вылилось в беспорядочное отступление.

Одновременно генерал Багратион, верно определив направление главного удара французов, направил к флешам свои резервы. Из-под деревни Утицы на крайнем левом фланге двинулась 3-я пехотная дивизия генерала Коновнищина, входившая в состав 3-го пехотного кор-

пуга генерала Тучкова, кроме того в сторону флешей по его приказу развернулась вся вторая линия войск 7-го пехотного корпуса генерала Раевского. В результате этой перегруппировки 3-й пехотный корпус, отдавший ровно половину своих сил, не смог сдержать внезапного натиска 5-го (польского) корпуса генерала Понятовского, занявшего деревню Утицы и расположенные возле нее высоты. На этих высотах сразу же разместились двадцать четыре французских орудия, что вынудило русских отступить еще на полторы версты к востоку, заняв позиции на Утицком кургане. Дальнейшие попытки панов продвинуться еще дальше успеха не имели, и на крайнем левом фланге русской армии на некоторое время установилось затишье.

Но Наполеон на этом не успокоился. Мысль пробиться через Багратионовы флеши и выйти в тыл русской армии вылилась у него в идею-фикс. Атакующие силы подкрепили три свежие пехотные дивизии из корпуса маршала Нея, три кавалерийских корпуса Мюрата, и дополнительная артиллерия. Сто шестьдесят орудий начали артиллерийскую подготовку, обстреливая Багратионовы флеши перед новой атакой. Но еще до этого Багратион запросил помощи у главнокомандующего и получил ее. К месту решающих событий с крайнего правого фланга русской армии начал марш 2-й пехотный корпус генерала Баггаута. Одновременно Кутузов направил к Багратиону из резерва лейб-гвардии Литовский и Измайловский полки, семь полков 3-го кавалерийского корпуса и 1-ю кирасирскую дивизию.

Но Наполеон начал атаку раньше, чем к Багратионовым флешам подошли русские резервы. Решительной атакой превосходящих сил французы выбили из флешей 2-ю сводно-гренадерскую и 27-ю пехотные дивизии, раненые командиры которых были унесены с поля боя. Но не успели французы порадоваться успеху, как сами подверглись контратаке русской кирасирской дивизии, подошедшей раньше остальных резервов. Легкая кавалерия французов оказалась смята этим ударом, пехотные ряды кое-где попятнулись, но для решительного успеха кирасир было слишком мало, а свежая русская пехота к месту сражения еще не подошла. Поэтому русские кирасиры, после первой атаки потерявшие силу таранного натиска, были отражены французской тяжелой кавалерией с большими потерями для себя.

Привставший со своего походного стула главнокомандующий Кутузов имел возможность в подзорную трубу наблюдать, как с западной стороны, двигаясь с севера на юг, флеши обходит свежее соединение наполеоновской армии – судя по светлым, почти белым мундирам и черным киверам, это был вестфальский корпус генерала Жюно, за покорение Португалии недавно получившего титул герцога д'Абрантеса. Наверняка Наполеон поставил этому выскочке задачу, обойдя флеши с юга, атаковать тыловые позиции русской армии в селе Семеновском. Не то чтобы это была катастрофа (до такого исхода еще далеко), но все равно неприятно, когда Наполеон имеет возможность швырять на поле боя целые корпуса, а он, Кутузов, вынужден подобно старому скупердю трястись над каждым отправляемым в бой полком.

Но тут с марширующими в плотных походных колоннах вестфальцами стало происходить что-то непонятное. Часть солдат в рядах, обращенных к Утицкому лесу, вдруг начала падать, как будто колонны корпуса подверглись со стороны опушки – то есть из собственного тыла – неожиданному и достаточно массированному обстрелу. Стройные до той минуты ряды смешались; корпус продолжил движение в избранном направлении, но уже в форме беспорядочной толпы, каждую минуту теряющей людей под ружейным обстрелом.

Но самое странное заключалось в том, что никакого обстрела Кутузов не наблюдал. На опушке леса не наблюдалось плотных клубов белого порохового дыма (как бывает, когда ожесточенными залпами ведут огонь постоянно сменяющие друг друга пехотные линии). Даже достаточно редкие прицельные выстрелы егерей должны были дать значительное задымление, а тут, господа, ну совсем ничего. А вестфальские солдаты тем не менее все падают и падают, пятная зеленую траву своими белыми мундирами. Сколько их дойдет до рубежа атаки – Бог весть, тем более что и русские полки тоже не спят на ходу, с каждой минутой все плотнее стягиваясь к месту прорыва.

В этот момент дежурный генерал Паисий Кайсаров вытянул руку, привлекая внимание главнокомандующего к новому событию, которое происходило еще дальше Багратионовых флешей, у самой границы видимости, в пяти верстах от Ставки, возле деревни Утицы, лежащей прямо на Старой Смоленской дороге. А там творилось то же самое, поднятая на высоты польско-французская артиллерия подверглась с тыла уничтожающему ружейному обстрелу – и опять с опушки леса, и опять без единого дымка. Артиллерийские расчеты попытались развернуть свои пушки к лесу, но поляки-артиллеристы явно умерли раньше, чем сумели это сделать. Несколько ударов сердца – и вот из леса вышли неровные цепи тех, кто это сделал. Одетые в коричнево-зеленые мундиры, незнакомцы были почти незаметны на фоне травы и листвы. Будто это кусты вышли из леса прогуляться по лужку. Быстрым шагом солдаты неизвестной армии двигались в сторону разгромленных вражеских батарей на гребне высот.

Но это было не все. Вслед за солдатами, которых можно было разглядеть, только зная, что они там точно есть, из лесу такой же неровной шеренгой вышли... кони. Они догнали пехотную цепь – и тут каждый из солдат вскочил в седло, оборотившись кавалеристом, и почти сразу же над неровной конной шеренгой развернулось и затрепетало знамя чистого алого оттенка. На гребне высот неизвестные солдаты снова спешили, и, более того, по-казацки уложили своих коней на землю, укрывшись за ними как за миниатюрными редутами. И вовремя – полки Понятовского, перестреливающиеся с солдатами корпуса Тучкова, поняв, что за спиной у них происходит что-то не то, развернулись для того, чтобы решительным натиском выбить неизвестных со своих бывших позиций и снова овладеть пушками.

Но незнакомцы не испугались. В общем-то, их можно было принять за ополченцев (которых ради экономии обмундировывали в такие же малозаметные серо-коричневые армяки и картузы), но только ополченцами от этих солдат и не пахло. Сам с двенадцати лет находившийся на службе, Кутузов понимал – для того, чтобы ТАК овладеть воинским искусством, этому надо посвятить всю жизнь.

Тем временем поляки, прошагав половину расстояния, отделяющего их от высот, вдруг начали падать, как росистая трава на утреннем лугу, подрезаемая косой. И только несколько мгновений спустя сквозь шум битвы до Ставки донесся раскатистый и звонкий голос этой «косы смерти», к которой тут же присоединились ее товарки: «тра-та-та-та-та!»

В двухстах шагах от позиций залегших незнакомцев громоздился вал из людских тел, убиваемых с безжалостной ловкостью. Поляки отхлынули было назад, но там находились позиции русских гренадер из 1-й сводно-гренадерской дивизии. Тоже верная смерть, если дойдет до рукопашной. Поставленные в два огня польские жолнежи кинулись на север, по большому кругу обходя утицкие высоты. Беспрерывное татаканье стихло (или его снова заглушили звуки обычной битвы), и Кутузову оставалось только гадать о том, что это было, и кто этот дерзкий смельчак, который, не объявляя своих намерений, умудрился разгромить корпус Понятовского и презрительно ошипать вестфальцев.

– Паисий Сергеевич, – обратился он к генералу Кайсарову, – распорядитесь, пожалуйста, чтобы в эту Утицу послали парламентаря в штаб-офицерских чинах и потолковее. Думаю, что нам предстоит узнать немало прелюбопытных вещей.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:15. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Утица.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Портал в мир тысяча восемьсот двенадцатого года открылся через двадцать восемь дней после того, как мы закончили стабилизацию линии 1730 года. Чем ближе мы поднимаемся к нашему родному миру, тем медленнее наполняются энергией каналы, связывающие миры между собой. А может быть, дело в так называемом «мертвом кармане», в который попал мир 1730 года из-за энергетического истощения, вызванного бурной военной и реформаторской

деятельностью Петра Великого, на которую наложилась так называемая «война за испанское наследство». Впрочем, когда мы появились в том мире, все войны в основном уже закончились, остались только их последствия, вынудившие основных политических игроков в силу общего истощения вести себя потише.

А может, это Отец Небесный собственноручно попридержал лошадей, чтобы у нас появилась возможность хоть немного отдохнуть после боев и походов, заняться собой и своими близкими... Как-никак наш рейд длится уже семнадцать месяцев, и гаврики Птицы, которые в самом начале были совсем детьми, уже почти полностью превратились в юношей и девушек. Заматерел и оброс мышцами подобранный в этом мире готский мальчик Ув – и ведь не скажешь, что ему нет еще и шестнадцати лет. Горячей штучкой стала удочеренная Птицей аварская полонянка Асаль, и Птица ждет не дожидается момента, когда ее можно будет выдать за князя Глеба Ярославича, младшего брата Александра Невского. В нашей компании девка созревает буквально на глазах, и на то, как она с бешеным темпераментом отплясывает на вечерних танцульках, заглядываются многие вполне взрослые дяди, подтверждая истину: «седина в бороде, бес в ребро».

Таким образом, эти двадцать восемь дней дали возможность заняться теми делами, которые из-за непрерывных войн и горячки политических интриг все время откладывались мною «на потом». Одним словом, провели мы эти дни всей своей компанией в мире славян, где на высоком берегу Днепра, прямо над кручами, для меня и моих близких были срублены роскошные деревянные терема, а по календарю шел август пятьсот шестьдесят второго года от Рождества Христова. Самое благодатное время. Жара; вода в Днепре мало что магическая, да еще теплая как парное молоко, пейзаже убирают урожай, от которого ломаются амбары. Жирный чернозем, до того ни разу не знавший плуга, в первый же год полыхнул огромным урожаем. Издалека на полях видны не обмолоченные еще снопы пшеницы, ржи, овса и, самое главное – огромные бурты картошки, которую предстоит частью заложить на хранение, а частью поставить для пропитания войска.

И войско это тоже пришло вместе со мной из мира Содома, привольно раскинув полевые лагеря в окрестностях града Китежа. Далеко не все степи еще были распаханы, так что места для размещения войск и выпаса боевых и походных коней хватало. У четверти лилиток первого призыва из кавалерийских полков, которым в качестве поощрения* за отличие в боевой и политической подготовке разрешили забеременеть в первую очередь, в заспинных рюкзаках-слингах уже вовсю пищали младенцы... Первые остроухие, рожденные на воле и не знающие никакого принуждения, кроме обычной воинской дисциплины и правил общежития в большом и разнородном коллективе. Видел я этих детишек. Если не считать остреньких, торчащих вверх ушек – нормальные такие, симпатичные младенцы, поровну мальчики и девочки. А это значит, что заклинание, снимающее с остроухих проклятие рожать только девочек, действует успешно.

Примечание авторов: * у бойцовых лилиток желание продолжить свой род – это своего рода идефикс, одно из главных прав свободной воительницы. Но так как бойцовые лилитки – существа разумные, понимающие, что в первую очередь важна боеспособность войска, а уже потом будут обеспечены их личные права. Поэтому они согласны продолжать свой род по очереди в соответствии со своими личными заслугами и решениями начальства.

И вот теперь по утрам на берегах Днепра можно было наблюдать, как высокие и мускулистые остроухие матери, полностью обнажившись, купают такое же голенькое потомство в струях магической воды, вытекающей из-под днепровских порогов. Зрелище, надо сказать, наполнено эротизмом такой силы, что от него способны потерять голову не только несовершеннолетние недоросли, но и мужи постарше с сединой на висках и в бороде. Кстати, нередки были случаи подсматривания за купающимися в Днепре лилитками и амазонками из кустов – как со стороны представителей мужской части нашего войска, так и местными пейзажами. Но

горе вуайеристу, если он будет застигнут воительницами за этим занятием. Не миновать ему тогда принудительного раздевания догола хохочущими двухметровыми красотками и такого же принудительного купания в тепленькой днепровской водичке. И в то же время любой мужчина, который, не скрываясь по кустам, открыто наблюдал за этими дикими пляжами, не привлекал к себе со стороны воительниц никакого внимания. Пусть стоит и смотрит, если хочет, а не подкрадывается в кустах аки тать.

По-настоящему (то есть если не считать краткосрочных наездов) мы не были в этих местах около года. Поэтому народ, соскучившийся по своему Великому князю, буквально повалил валом, и встреча князя с войском за пару часов вылилась в импровизированный общенародный праздник. И ведь вроде Добрыня с Ратибором справляются со своими обязанностями; по крайней мере сколь-нибудь серьезных недочетов я у них не заметил. Зимой они со свежееобученным войском сходили через степи на Днестр, и немного, как тут говорят, примучили* поднестровских антов – людей буйных и плохо управляемых. Через это примучивание у Великой Артании образовалась сухопутная граница с Византией, которая тут же стала границей мира и дружбы. За набеги на дружественное государство Великий князь Артанский (то есть я) обещал карать ослушников анальной колотерапией. И, как водится, никто не рискнул проверить, блефовал я, делая такое заявление, или всерьез собрался пересажать на колья любой военный отряд, который без моей воли вторгнется на территорию Византии.

Примечание авторов: * примучить (славянское) – то есть присоединить или подчинить с применением военной силы.

Благодаря этому моему ходу, император Кирилл смог приступить к перегруппировке сил, чтобы сосредоточить ударный кулак против Персии. Ох, не завидую я персам. Ведь против них в одной упряжке выступают омоложенные Нарзес и Велизарий. И, кроме того, в византийской армии произошла реформа тяжелой кавалерии. Катафрактарии, получившие глубокие седла со стременами, превратились в полноценную рейтарскую конницу, грамотно организованные соединения которой в эти времена способны сметать с лица земли любого врага. В византийскую пехоту теперь предпочитают нанимать оставшихся не у дел славянских воев. Они сильны духом и телом, неукротимы и обладают яростным темпераментом, благодаря чему таранный удар фаланги этих недоберсерков мало уступает копейному удару панцирной конницы.

Побывал я и в Константинополе. Императрица Аграфена стала еще краше и умнее, а император Кирилл – еще смазливее и пронырливей. Кстати, порфиноносная чета похвасталась маленьким крикливым комочком по имени Роман Порфирородный. Оказывается, лечение от старости, которое провела Лилия, затронуло не только внешность пациентки, но и восстановила такую глубинную функцию женского организма, как деторождение. Впрочем, этим визитом в Константинополь деловая часть моего пребывания в Мире Славян завершилась, и я вместе со своими друзьями и подчиненными предался активному отдыху на природе. Надо же было набраться сил перед грядущими битвами за улучшение вышележащих миров.

Но, несмотря на месячную задержку, в мир 1812 года мы попали почти вовремя – то есть портал открылся прямо в день Бородинской битвы, в восемь часов утра по местному времени, на несколько километров южнее места основных событий. По крайней мере, орудийная канонада до нас с северной стороны доносилась вполне отчетливо. В составе обеих армий имелось более тысячи пушек, и теперь, в разгар сражения, они садили в неприятеля непрерывными залпами, сливающимися в тяжелый низкий гул. Из-за огромного количества сгоревшего черного пороха с нашего места было видно, что над бородинским полем повисла сплошная сизая дымная вуаль, медленно сносимая ветром. Кстати, очень хорошо, что нас вынесло к югу, а не к северу от основного места событий. Именно на южном фланге битвы Наполеон наносил главный удар, именно там уже два с половиной часа русские войска отчаянно сражались с наседающим численно превосходящим врагом.

При этой мысли я почувствовал, как полностью расправляется, приходя в боевое положение, энергооболочка бога справедливой оборонительной войны, как подключаются дополнительные энергоканалы, как наливается силой рука, лежащая на рукояти меча Бога Войны, как остро и непосредственно начинают ощущаться готовые к восприятию боевого приказа Верные. Пожалуй, такого я не чувствовал даже тогда, когда мы громили орды Батыя и останавливали вторжение панцирных гусар гетмана Жолкевского. Чем выше лежит мир по временной шкале, тем больше личного чувства я вкладываю в его оборону от вторгшегося врага.

Энергооболочка послушно развернула перед глазами схему битвы с указанием направления основных ударов Наполеона, маршрутами и сроками подхода русских резервов. План сражения созрел моментально. Конно-егерский корпус, первым сформированный из бойцовых лилиток в мире Содомы, выдвигается прямо вперед и в Утицком лесу наносит удар во фланг атакующим армию Багратиона 5-му и 8-му корпусам французской армии. Цель этого удара – прикрыть фланг Багратионовых флешей и сократить линию соприкосновения русских и французских войск, что должно высвободить русскому командованию для дальнейших операций одну пехотную дивизию и несколько казачьих кавалерийских полков. Ну и, соответственно, значительно уменьшит силы Наполеона, потому что после обучения егерским премудростям воительницы стали не только превосходными всадницами, но и отличными егерями.

После того как конно-егерский корпус прошел портал и, развернувшись подивизионно в три цепи, выдерживающие дистанцию в пятьдесят метров, через лесной массив двинулся вперед, настала очередь танкового полка подполковника Седова. Трем танковым батальонам вместе с конно-механизированным разведывательным батальоном капитана Коломийцева по ведущим в обход просекам предстояло выдвинуться в район Головино-Рогачево-Ельня и отрезать французской армии путь отхода на запад, сыграв роль наковальни. Кое-кто из французов через этот заслон, безусловно, проскочит, но армией этот человеческий фарш, воочию увидавший Бич Божий, уже никогда не будет.

Капитану Коломийцеву я лично поставил задачу взять Бонапарта живым и максимально неповрежденным. Костяк его разведывательного батальона составляла бывшая разведрота танкового полка, пополненная такими дикими оторвами-амазонками, по сравнению с которыми сама Артемида казалась скромной домашней пай-девочкой. Не завидую я охраняющим Бонапартия Старым Ворчунам – быть им битыми молодыми девками. Кстати, Артемида, нашедшая свою любовь в батальонном замполите старшем лейтенанте Антонове, также выступила в поход за шкурой Бонапарта в качестве заместителя командира разведывательного батальона.

Артиллерийский дивизион танкового полка по моему плану разворачивался на позициях у портала, ибо дальноточности у его самоходных орудий на накрытие целей на бородинском поле хватало с лихвой. Также у портала разворачивались находящиеся в резерве первый, второй и третий пехотные легионы, на данный момент вооруженные аналогами однозарядной винтовки Бердана и бронзовыми репликами четырехфунтовки Круппа. Не думаю, чтобы эти части понадобились мне в ходе Бородинского сражения, но, как говорит генерал от инфантерии светлейший князь Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов, «резервы должны быть оберегаемы сколь можно долее, ибо тот генерал, который сохранит ещё резерв, не побеждён». В любом случае запас карман не тянет. Выучка у моих пеших легионеров вполне соответствует лучшим местным войскам, вооружение на две головы лучше, так что эти тридцать тысяч почти исключительно мужского контингента, набранные в мирах Славян, Батыя и Смуты, в случае чего смогут решить дело в нашу пользу.

Сам я выступил вместе с кавалерийским корпусом, ибо в остальных местах должны были справиться и без меня; а вот в точке соприкосновения моей и русской армии без капитана Серегина (который по совместительству Великий князь Артанский и Бич Божий) обойтись будет нельзя. Сначала было полтора часа пешего марша через лесной массив. Лошадей коноводы вели позади третьей цепи; точнее, умные животные сами шли следом за хозяйками. В

первую цепь меня не пустили – рылом не вышел, зато во второй место для меня и моего штаба нашлось. Разумеется, со мной были и мои юные порученцы – Митя-Профессор, Дима-Колдун, Ася-Матильда и Ув, который просто Ув. В состав команды рвалась Асаль, но я ее не взял – с самого начала эта девка была слишком непредсказуемой и неуправляемой, не то что дисциплинированные Птицыны гаврики.

Пеший марш закончился, когда цепи моих воительниц сразу на протяжении полутора верст вышли на пересекающую Утицкий лес Старую Смоленскую дорогу, по которой в тот момент двигалась польская кавалерия 5-го французского корпуса генерала Понятовского. Несмотря на то, что мои воительницы были пеши, а паны восседали на конях, польских жолнежей ждало немедленное и стремительное уничтожение. Свидетельством скоротечного и ожесточенного боя с нашей стороны был только частый перестук прицельных выстрелов при полном молчании моих воительниц, а со стороны противника – предсмертные крики и вопли ужаса людей, решивших, что их атакуют лесные демоны. Лилитки и в своем исходном виде выглядят несколько угрожающе, а уж в полной боевой экипировке, с раскрашенными маскировочным гримом лицами и вовсе способны навести на врага леденящий ужас. В результате из польских улан спаслись только те, которые, находясь в авангарде или арьергарде колонны, нахлестывая в панике коней, бросились прочь от места побоища. И то спасающего свою жизнь пана в спину вполне могла настичь остроконечная пуля, выпущенная вдогон из супермосина.

После разгрома польской кавалерии половина сил под моим командованием развернулась направо для удара в тыл основным польским силам, а вторая половина под командованием полковника Половцева продолжила движение на север и вступила в бой с гвардейскими вестфальскими егерями, прикрывающими со стороны леса правый фланг 8-го вестфальского корпуса генерала Жюно. И хоть в искусстве лесных схваток вестфальские егеря наголову превосходят спесивых польских панов, а их зеленые мундиры даже в какой-то мере способствуют маскировке, бой со спешенными бойцовыми лилитками они проиграли вчистую. В результате вражеские егеря частью были истреблены прямо в лесу, а частью вытеснены за опушку на открытую местность и расстреляны уже там. Достигнув этого успеха, полковник Половцев развернул стрелковые цепи вдоль опушки и, не применяя пулеметов, из-под прикрытия лесного массива открыл уничтожающий прицельный огонь по марширующим в обход флешей вестфальским пехотным полкам, которые, в отличие от егерей, были одеты в белые мундиры и являлись прекрасными мишенями для моих воительниц.

Тем временем правый фланг под моим командованием ударом с тыла захватил польские артиллерийские батареи, после чего покрестил пулеметным огнем бросившихся в штыковую контратаку пеших польских жолнежей, до того занимавших позиции километром восточнее. В результате понесшие большие потери польские полки бросились обратно, но там их плотными залпами встретили русские гренадерские полки, решительным шагом двинувшиеся на сближение с противником. А чего бы им не двигаться, когда командиру 1-й гренадерской дивизии генерал-майору Строганову даже невооруженным глазом было видно, сколько польских жолнежей осталось валяться на зеленой траве после странного татаканья со стороны отбитой нами батареи на холме. Некоторые вражеские батальоны скосило под корень, словно косой, а другие, которым повезло более, уменьшились в составе наполовину или даже втрое. Поняв, что они попали между молотом и наковальней и что их сейчас начнут убивать без всякой жалости, поляки неуправляемой толпой бросились из этой западни на север, во фланг и тыл бою, как раз в этот момент кипевшему за багратионовы флеши. Там они в упор навалились сначала на убойный картечный залп русской конной батареи, срочно развернувшейся поперек позиции, а потом – на штыковую атаку двух свежих пехотных полков, которые истребили мечущихся в панике панов до последнего человека.

Тем временем русским войскам в очередной раз пришлось оставить флеши настырным французам под командованием знаменитого маршала Нея и прибывшимся к ним изрядно

потрепанным вестфальцам. Но это была Пиррова победа – она вела французов прямым путем к поражению. Дело в том, что в результате действий в Утицком лесу моего конно-егерского корпуса наполеоновская армия понесла серьезные потери, а французские войска, занявшие флешы, оказались охвачены с трех сторон сразу. На западе и юго-западе от них были мои воительницы, занявшие позиции по опушке Утицкого леса, на юго-востоке и востоке – отброшенные из флешей русские войска и подходящие им на помощь резервы, которые вот-вот должны были броситься в контратаку. Сами атаковать войска Нея не могли (для этого у них, истощенных штурмом флешей, было недостаточно сил), отступить в порядке – тоже, потому что для этого надо было пройти через уничтожающий фланговый огонь с опушки Утицкого леса. Теперь следовало ожидать двух вещей. Во-первых – парламентаря от Кутузова. Во-вторых – чего такого особо умного попытается в условиях цейтнота буквально на коленке выдумать милейший Бонапартий, который пока еще не знает, что в тыл ему уже уверенно прокрадывается большой трындец, а его резервы в любой момент могут быть накрыты уничтожающим огнем восемнадцати 122-миллиметровых самоходных гаубиц...

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 10:25. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Шевардино, Ставка Наполеона.

С кургана у деревни Шевардино, где расположилась Ставка Наполеона, было невозможно увидеть* те события, которые происходили на крайнем правом фланге французской армии за Утицким лесом. Вследствие этого император долгое время находился в блаженном неведении по поводу уничтожения 5-го польского и разгрома 8-го вестфальского корпусов его Великой Армии. Из-за отражения звуков от склонов Утицкого холма он даже не расслышал пулеметных очередей, заглушенных шумом битвы и канонадой сотен орудий. Единственное, что было доступно взглядам Наполеона и его свиты – это штыковая атака двух подошедших из резерва русских пехотных полков, что ударили по ненаблюдаемому от Шевардина неприятелю. Было очевидно, что русские одержали над противником победу, но оставалось неизвестным, какую именно часть Великой Армии они атаковали. К югу от русских позиций у багратионовых флешей могла находиться только часть сил корпуса Понятовского, но Наполеон не понимал, каким образом там оказались польские части, ведь пятому пехотному корпусу, имеющему целью совершить глубокий обход русской армии, предписывалось действовать значительно южнее, в районе деревни Утицы.

Примечание авторов: * Курган, где сначала располагался Шевардинский редут русской армии, а потом разместились Ставка Наполеона, имеет высоту 224 метра над уровнем моря. Деревня Бородино (с которой началась битва) на левом фланге французской армии расположена на отметке 195 метров, курган батареи Раевского имеет отметку 218 метров, а багратионовы флешы находятся на отметке 210 метров. То есть обзор на основное поле боя у Наполеона был прекрасный. В то же время между Шевардинским курганом и деревней Утицы, также расположенной на отметке 224 метра, находится поросшая лесом возвышенность с отметками гребня 240-245 метров, к которым следует добавить еще как минимум 10 метров высоты деревьев. Не наблюдается с вершины Шевардинского кургана и холм возле деревни Утица, на котором дивизионный генерал Понятовский расположил свою артиллерию, потому что высота вершины этого холма составляет только 232 метра.

Неведение Императора нарушил офицер в изодранном белом мундире вестфальских армейских кирасир, ворвавшийся на Шевардинский курган на загнанном до изнеможения коне. Сам он был бледен и чрезвычайно возбужден.

– Сир! – вскричал он, спрыгивая с седла, – мы разбиты! Герцог д'Абрантес убит шальной пулей в сердце, остатки корпуса отошли от этих чертовых флешей на исходные позиции. Мы храбро дрались, но смертные не могут противостоять ополчившимся против них демонам!

Выкрикнув эти слова, вестфальский офицер покачнулся и, теряя сознание, стал сползать, скользя спиной по конскому боку. И только тут Наполеон, а также окружавшие его генералы и офицеры, увидели, что кираса гонца в двух местах зияет странно маленькими аккуратнo-круглыми дырочками, совсем не похожими на те рваные отверстия, которые проделываются в стальных кирасах ружейными и картечными пулями. Еще одна рана была на левом бедре, и толчками выплескивающаяся из нее кровь пятнала алым ослепительно белые лосины, затекая в кирасирский сапог. Вероятно, как раз одна из этих маленьких ран привела к тому, что этот офицер потерял сознание в присутствии Императора, хотя для этого могло хватить и той, что на ноге.

Примечание авторов: * *тогдашний калибр стрелкового оружия – 5-7 линий, то есть 12,7-17,78 мм, поэтому раны от пуль трехлинейного калибра, выпущенных супермосиным, кажутся наполеоновским офицерам «совсем маленькими».*

Немедленно нашлись доброхоты из адъютантов – они подхватили теряющего сознание офицера под руки, в то время как другие своими кинжалами разрезали кожаные ремешки, скрепляющие половинки кирасы на плечах и левом боку. Едва ремешки были разрезаны, все увидели, что под кирасой офицер буквально истекает кровью, хлещущей из глубокой раны в левом плече, удивительно кровоточивой при столь малом калибре оружия, поразившего офицера. Еще одна – даже не рана, а глубокая царапина – имела место на правом боку. Пуля пробила кирасу и вскользь царапнула по мягким тканям бока, не вызвав особых повреждений, кроме обильного кровотечения. Но на белом кирасирском мундире расплывающееся алое пятно выглядело страшно.

– Врача! – выкрикнул тем временем Наполеон, – врача моему храброму офицеру, пролившему свою кровь за Францию!

Главный хирург французской армии Доминик Ларрей, чей полевой лазарет располагался прямо у подножья кургана, тотчас появился, будто чертик из табакерки. Хирург нашего времени не нашел бы в раненом никакого особого случая. Жизненно важные органы не задеты, все пули прошли через мягкие ткани, поэтому следовало бы лишь извлечь пули, очистить рану, остановить кровь, а ее обильную потерю компенсировать переливанием крови, или, в крайнем случае, вливанием физраствора. Потом – укол противостолбнячной сыворотки и антибиотика, укутать получше, и пусть спит. И через месяц при надлежащем лечении герой мог бы снова совершать подвиги, пьянствовать по трактирам и портить неосторожных девок. Возьмись за его лечение Лилия или Дима Колдун, методика была бы той же, только вместо переливания крови имело бы место обильное питье состоящее из разведенного красного вина с медом, а вместо противостолбнячной сыворотки и антибиотика – заклинание регенерации. При достаточном уровне магии герой снова приступил бы к своим художествам уже через десять дней. Но Доминик Ларрей посмотрел на раненого с хмурым видом, покачал головой и тяжело вздохнул.

– Я ничего не могу гарантировать, сир, – тихо сказал он Наполеону, – жизнь этого человека находится в руках Господа. Дабы избежать Антонова Огня и наверняка спасти жизнь этого храброго офицера, следует провести ампутацию* раненых руки и ноги, но все ранения находятся слишком высоко, чтобы эти операции были возможны.

Примечание авторов: * *в те далекие, почти былинные времена хирурги верили, что от Антонова Огня, то есть общего сепсиса, может спасти только ранняя ампутация поврежденной конечности. В случае же если это было невозможно, то и прогноз на выживание раненого был отрицательным. Так, промучившись с месяц, несмотря на все старания врачей, от раны осколками ядра в бедро и живот умер русский генерал Петр Багратион.*

– Делайте все, что в ваших силах, Доминик, – так же тихо ответил Император, – как говорит мэтр Корвизар, лечите симптоматически. В первую очередь извлеките пули, остановите кровотечение и приведите этого офицера в чувство. Он обладает очень важными сведениями

и нельзя допустить, чтобы они умерли вместе с ним. Ну а потом – действительно, все в руках Божьих. Если Господь захочет, этот офицер поправится, а не захочет, то умрет.

– Я Вас понял, сир, – склонил голову мэтр Ларрей, – и сделаю все, что в моих силах. Я не гарантирую этому молодому человеку жизнь, но могу обещать, что он будет в состоянии говорить.

– Этого будет достаточно, Доминик, – кивнул Император, – но помните, что вам следует поторопиться. На поле боя происходит что-то непонятное, а этот офицер – один из тех, кто может приподнять завесу тайны над всем этим.

Едва хирург отошел, чтобы заняться ранеными, как один из адъютантов императора, вытянув вперед руку, вскричал: «Смотрите, сир, какой ужас!». Наполеон вскинул к глазу свою подозрительную трубу и узрел, как французская артиллерия, которая вновь принялась обстреливать оставленные французами флешы, вдруг попала под уничтожающий обстрел со стороны северной опушки Утицкого леса. И снова, как император ни всматривался в лесную опушку, он не смог разглядеть ни одного дымка от ружейного выстрела, только изредка сверкающие неяркие вспышки. К тому же расстояние от опушки до самых ближних батарей превышало триста метров, а на такой дистанции пуля обычно теряет свою убойную мощь и способна только бесильно катиться по земле. Но тут отчетливо наблюдалось, что канониры на батареях падают один за другим, что заставляет артиллеристов прекращать огонь по флешам и пытаться развернуть пушки в сторону новой угрозы. Огонь картечью на такой дистанции малоэффективен, а обстреливать ядрами опушку леса – чрезвычайно дурацкое занятие, тем более что вести огонь могли только дальние батареи, расположенные напротив центральной позиции русских, а та артиллерия, что располагалась напротив флешей, понесла слишком большие потери в расчетах и вести огонь не имела никакой возможности.

Пока Наполеон мучительно соображал, что стоит делать в таком случае, к нему снова подошел Доминик Ларрей.

– Сир, – сказал он, – ваше приказание выполнено, этот офицер в состоянии говорить и готов поведать Вам свою историю. Но сначала гляньте, пожалуйста, на то, что я извлек из ран этого молодого человека...

Император опустил глаза и вместо нормальных круглых пуль узрел на ладони хирурга нечто весьма странное – два заостренных с одного конца цилиндрика, по диаметру примерно соответствующих дыркам в кирасе. Взяв один цилиндрик в руки, Наполеон внимательно осмотрел его со всех сторон. Вблизи этот гладкий заостренный конус выглядел еще более угрожающе, чем со стороны. Наостренный носик был слегка расплюснут подобно грибку, и было понятно, почему эта странная пуля с такой легкостью пробила стальную кирасу. Кроме того, на ее боках виднелись следы прохождения через штуцерный ствол с нарезами, только Император решительно не понимал, как такую пулю можно было заколотить* в штуцер без повреждения острого носика. К тому же сделана она была не из свинца, а из какого-то сплава на основе меди.

Примечание авторов: * до изобретения в середине XIX века деформирующейся при выстреле для вхождения в нарезы пули Минье обычные пули в нарезной ствол иштыцера именно заколачивали, поэтому скорострельность иштыцеров была в несколько раз меньше, чем у фузей.

Впрочем, ответ эту загадку не являлся сейчас для Наполеона предметом первой необходимости. Его армия воевала с врагом, массово использующим подобные пули, и все, что следовало о них знать – это то, что летят они очень далеко и что от них не спасают никакие кирасы. Сначала следовало поговорить с раненым офицером и на основе полученных данных понять, что следует предпринять против этого нового врага, чтобы спасти положение армии. Раненый, тщательно перевязанный чистым полотном, лежал на расстеленной на земле собственной шинели, с подложенным под голову ранцем. Вид его был жалок. Он не просто стра-

дал от боли, но и пребывал в смятении и упадке от того, что ему довелось испытать – и это было сродни мистическому ужасу, первобытному страху перед неизведанным.

Примечание автора: * *и ранец, и скатка в кавалерии перевозились навьюченными на конское седло.*

– Сир... – тихо заговорил раненый, обращаясь к Наполеону; слова он произносил с трудом, то и дело облизывая пересохшие губы. – Это было ужасно. Сначала эти демоны уничтожили наших егерей, напав на них в лесу. Мало кому из них удалось спастись бегством, потому что невозможно сражаться, когда ты делаешь один выстрел, а в ответ в тебя летит двадцать пуль. Ружья этих демонов стреляют так часто, будто заряды в них возникают сами собой и их нет необходимости заряжать; кроме того, их выстрелы не оставляют после себя дыма, отчего становится неясным, откуда прилетают пули. Кроме того, говорят, что их лица зеленого цвета, а мундиры таковы, что совершенно теряются на фоне древесных ветвей, так что в лесу невозможно разглядеть ничего, кроме смутных шевелящихся теней. Уничтожив егерей, эти лесные демоны взялись за пехотные колонны и изрядно ошипали их из своих чудовищных скорострельных ружей. Складывалось впечатление, что каждый их выстрел добавляет нам раненого или убитого. Именно тогда погиб герцог д'Абрантес, а наш командир, бригадный генерал граф фон Хаммерштейн-Экуорд, приказал нам, вестфальским кирасирам, атаковать опушку леса в конном строю. Скажу сразу, сир – это был жест отчаяния с его стороны, потому что невозможно стоять на месте и дожидаться, пока тебя убьют. Под встречным ураганным огнем мы не проскакали и половины расстояния до опушки, когда стало ясно, что наша атака захлебнулась. Из тех, кто выжил, никто не остался невредим, а все поле, по которому мы атаковали, оказалось покрыто убитыми кирасирами и их конями. Умирая от ран, наш командир приказал скакать к вам и непременно доложить то, что нам удалось выяснить ценою собственных жизней. Простите нас, сир, но мы не смогли правильно выполнить наш долг и одержать победу, которую вы от нас так ждали.

«Так, – подумал император, пытаясь отогнать закравшуюся в сердце тревогу, – если лес занят этими демонами и прорваться мимо них в обход флешей с юга невозможно, то единственный способ достичь успеха – это ударить в стык между центром и южным флангом русских. Первой пойдет в атаку пехота маршала Нея – она отбросит русские части и расчистит дорогу. А потом, когда Ней пробьет в русском фронте дыру, через нее всей массой ударит кавалерия Мюрата, сжатая в единый кулак. Думаю, русские не выдержат этого натиска и побегут с поля, а храбрые французы будут их преследовать. И демоны тоже никуда из этого леса не денутся. После разгрома русской армии им останется либо убраться обратно в свой ад, либо приготовиться сражаться против всей французской армии...»

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 12:15. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

В то же самое время Кутузов из своей Ставки в Горках имел возможность наблюдать события на холме возле Утиц и северо-восточной опушке Утицкого леса, что давало русскому главнокомандующему небольшое преимущество. Он-то, в отличие от Наполеона, даже не понимая смысла событий, хотя бы мог видеть происходящее на его левом фланге, в том числе и то, как остатки корпуса Понятовского, спасаясь от неизвестного врага, попали под прямой штыковой удар русских резервов и подверглись полному уничтожению. Русскому главнокомандующему тоже хотелось как можно скорее разобраться со сложившейся ситуацией, чтобы понять, какой стратегии ему придерживаться – оборонительной или наступательной; только вот поиски подходящего штаб-офицера, готового ехать к неизвестным, выступающим под красным знаменем, несколько затянулись. Одно дело – ехать парламентаром к уже известному неприятелю, придерживающемуся рыцарственных правил ведения войны. И совсем дру-

гое – отправиться в полную неизвестность к людям, о которых известно только то, что они прекрасно обучены и дисциплинированы, а также отлично вооружены, однако их мундиры и штандарты не опознаются как принадлежащие к какой-либо европейской армии. То, что эти выступающие под алым знаменем скромные незнакомцы в малозаметных мундирах атаковали французскую, а не русскую армию, могло объясняться не тем, что они были друзьями русских, а тем, что они являлись врагами французов.

Но наконец-то такой храбрец нашелся. Им оказался находящийся в резерве генерал-майор артиллерии Василий Костенецкий* – лихой рубака, человек выдающейся силы и не менее выдающейся храбрости, не обделенный при этом ни скромностью, ни умом. Вот такого замечательного со всех сторон генерала, добровольно согласившегося выполнить опасное и непонятное поручение, Кутузов и отправил парламентером к деревне Утицы к командиру отряда неизвестно чьей армии, с чрезвычайной дерзостью атаковавшему противника и обратившего того в безоглядное бегство.

Биографическая справка: * *О скромности генерала Костенецкого свидетельствовало то, что он никогда не искал признания своим заслугам. По небрежности в делопроизводстве его три раза награждали саблех «За храбрость» и два раза – орденом Анны первой степени, то есть три раза он практически был обойден наградами. За бои в марте 1814 г. за Париж награждение бриллиантовыми знаками к ордену св. Анны 1-й степени заменили благоволи- тельным рескриптом.*

О незаурядной физической силе говорило то, что он один поднимал пушку, ломал подковы, легко, будто прутиком, орудовал пушечным банником, рывком за хвост валил наземь любого коня.

О храбрости генерала говорил случай, произошедший во время Бородинского сражения. В разгар боя на одну из батарей ворвались польские уланы и начали рубить канониров. Находившийся поблизости Костенецкий бросился на выручку своим солдатам и, не удовлетворившись саблей, стал валить врагов орудийным банником. Одним ударом он сбросил с лошади ближайшего улана, затем, ринувшись в толпу, повергал на землю одного неприятеля за другим до тех пор, пока банник не сломался. Следуя примеру начальника, артиллеристы кто чем мог отбивали атаку улан, и через несколько минут уже вновь открыли огонь.

О незаурядном уме Костенецкого говорило то, что именно он в Тарутинском лагере первым подал Кутузову докладную записку о необходимости направить отступление Наполеона по уже разоренной неприятелем Старой Смоленской дороге.

Кроме всего прочего, генерал Костенецкий был известен чисто спартанской строгостью житейского уклада. Он не признавал иной обстановки своей комнаты, кроме простого стола и лавок, на одной из которых спал. Обливание холодной водой в летнее время и обтирание снегом зимой составляли его утренний туалет. Простота и добродушие в обращении с подчиненными и редкостная щепетильная честность по отношению к казенным средствам (явление достаточно редкое в те времена) дополняли характер этого незаурядного человека.

Но, как бы то ни было, в путь генерал Костенецкий двинулся уже после одиннадцати часов пополудни. Однако еще раньше, после массовой артподготовки, произведенной с центра французской позиции, куда не доставал прицельный огонь супермошин с северной опушки Утицкого леса, в атаку в стык между багратионовыми флешами бросились остатки 1-го и 8-го пехотных корпусов Великой Армии, а также весь 3-й пехотный корпус Нея в полном составе. А позади них, готовые ворваться в дыру между 7-м и 8-м пехотными корпусами русской армии, уже маячила вся кавалерия Мюрата, за исключением корпуса генерала Груши, находившегося на другом берегу реки Колоча. Видимо, судьба у этого Груши в любом случае оказываться не в том месте и не в то время*.

Историческая справка: * *16 июня 1815 года после сражения при Лины, тогда уже маршал Груши был назначен с двумя пехотными и двумя кавалерийскими корпусами, пресле-*

довать разбитую прусскую армию. 18 июня, командуя своими частями в сражении при Вавре, не проявил инициативы и не выдвинул свои войска на помощь Наполеону в проходившем невдалеке сражении при Ватерлоо. Позднее Наполеон всю вину за поражение при Ватерлоо возложил на маршала Грюши.

Как раз в тот момент, когда генерал вместе со своими адъютантами проезжал мимо села Семеновского, распложенного вроде бы в глубине русских позиций, кавалерия Мюрата, развивая успех пехоты Нея, ударила по ослабленной русской линии и сумела ее прорвать. Но не успел Мюрат обрадоваться, что вырвался на простор, как в упор наварлся на кинжальную контратаку резервной кавалерии 2-й армии Багратиона в составе 2-й кирасирской дивизии и 4-го резервного кавалерийского корпуса. Кто-нибудь другой проехал бы мимо, ссылаясь на имеющееся у него особо важное задание, но генерал Костенецкий был не таков. Поэтому он присоединился к первому попавшемуся изготавившемуся к контратаке русскому полку, которым по странному совпадению оказался 5-й Литовский уланский полк, знаменитый своей кавалерист-девицей Надеждой Дуровой.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 12:30. Бородинское поле, где-то южнее багратионовых флешей.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Бонапарт по факту оказался упрямым засранцем. Урок, преподанный ему разгромом корпусов Понятовского* и Жюно, похоже, только раззадорил этого мастера тактических блицев. Мгновенно изменив тактику, он нацелил следующий удар в стык между багратионовыми флешами и батареей Раевского. По счастью, такую атаку было невозможно организовать по мановению волшебной палочки, и пока французы перестраивали свои боевые порядки, намерения Наполеона проступали для меня так же четко, как если бы они были записаны черными буквами на белой бумаге. В первом эшелоне – пехота, которой предстояло первой пробиться через русские боевые порядки. Во втором – саперы, задача которых – расчистить проходы для кавалерии. Берега ручьев Каменка и Семеновский достаточно круты для того, чтобы их русла могли называться оврагами. И вот чтобы эти овраги следом за французской пехотой смогла преодолеть французская кавалерия, и требовались саперы, которые в определенных местах взорвут пороховые мины, а потом разровняют образовавшиеся спуски и подъемы.

Примечание авторов: * У Серегина множество достоинств, но он не маг разума и поэтому не может проникнуть в мысли Наполеона и узнать, что того просто побоялись информировать о полном уничтожении корпуса Понятовского.

И что самое главное, французские войска группировались на довольно значительном расстоянии от северной опушки Утицкого леса, находясь за пределами прицельной дальности стрельбы из супермосиных. Этот урок Наполеон усвоил хорошо. Возможно, он решил, что мои войска никогда не смогут выйти из-под прикрытия лесных деревьев, но вот тут его в ближайшем будущем ожидает крайне жестокое разочарование, потому что группировку полковника Половцева с северной опушки Утицкого леса я уже отозвал. Нечего ей там делать в тот момент, когда вот-вот мне понадобится их лихая атака в уланской ипостаси. Количество французской кавалерии, сосредотачивающейся на линии Шевардино-Семеновское, наводило на мысль, что и мне лучше держать свои ударные силы сжатыми в один кулак где-нибудь между флешами и утицким холмом (не путать с утицким курганом). А чтобы Наполеон ничего не заподозрил, северную опушку Утицкого леса вместо ушедших лилиток заняли три резервные роты «диких» амазонок; они продолжили прицельно постреливать из супермосиных в ответ на каждое вражеское шевеление. А у амазонок дело поставлено просто: один выстрел – один труп.

Одновременно находящиеся в резерве первый и второй пехотные легионы получили приказ выдвигаться на север все к той же опушке Утицкого леса. Пехота – напрямую, конная артиллерия – на рысях окольными проселками. Национальный состав этих легионов пестрел

разнообразием. В качестве ротных и батальонных командиров – как правило, тевтоны, эмигрировавшие из мира Подвалов. Рядовые и сержанты – немного самых матерых бойцовых лилиток, не прижившихся в кавалерии (потому что среди множества мужиков им оказалось комфортнее), вои антов, решившие не оберегать родной дом, а следовать за своим князем по мирам, бывшие ратники рязанского ополчения, с которыми мы рубили тумены Батыя. Самыми последними, как люди, уже владеющие огнестрельным оружием, после тщательного отбора на формирование пехотных легионов поступили бывшие полоняники, освобожденные нами в Крыму мира Смуты. Из них же составлены артиллерийские расчеты. Но самое главное в том, что все мои легионеры являются Верными и по моему приказу готовы порвать на лоскуты любого врага, а я за них любому глаз на известное место натяну и моргать заставлю. Так что если все пройдет как надо, то здесь мы наполеоновскую Великую Армию и закопаем.

Одновременно с французами начала перегруппировку и русская армия, полки которой в очередной, уже второй по счету, раз перебрасывались с наглухо прикрытого рекой Колочей правого фланга на левый. У русского главнокомандующего не имелось энергооболочки, позволяющей одновременно наблюдать за всем полем боя и предугадывать замыслы противника; но это Кутузов – гений войны, тактик и стратег, не чета нам, грешным, которые просто вышли прогуляться по мирам и заблудились. Теперь – не опозориться бы перед лицом мэтра-то. Но как бы там ни было, моя армия, укомплектованная одними Верными, перегруппировывалась значительно быстрее и в большем порядке, чем французские или русские войска. Все же мысленное управление имеет свое неоспоримое преимущество в скорости прохождения и точности восприятия приказов. В чисто человеческом восприятии, обостренном активированными энергетическими каналами, это была, как писал поэт, миллионопалая рука, сжимающаяся в тяжелый бронированный кулак. И чтобы этот кулак раньше времени не привлек чьего-нибудь недоброго внимания, я накинул на него отвлекающий Полог Невидимости. Обычные маги при таком низком уровне магии работать не могут, а я могу. В самом деле – Бог войны я или нет?

Но и это было далеко не все. Где-то в нескольких километрах позади меня, у самого портала, на огневых позициях в полной готовности застыл развернутый артдивизион танкового полка, изготовленный для открытия огня с закрытых позиций. Командиры батарей и взводов ожидают команды на открытие огня. Наводчики и командиры орудий находятся в готовности получить установки для стрельбы. Заряжающие с грунта бывшие рабочие лилитки, могучие и неутомимые, находятся у штабелей снарядных ящиков. Взвод управления дивизиона вместе со всей своей техникой, проехавшей к бородинскому полю указанными мной окольными проселками, развернут на холме возле деревни Утицы. С этого пункта мой однофамилец и тезка комдив Серегин в обычный бинокль, без всякой магии, просматривает поле предстоящей схватки – от района сосредоточения французских резервов до тыловых рубежей русской армии. Артиллеристы у меня молодцы, свое дело знают на отлично, поэтому прежде всего я собираюсь удивить французов таким новшеством, как кавалерийская атака за огненным валом. Я сюда своих Верных элитных лилиток не на смерть привел, поэтому французскую кавалерию, по которой они должны ударить, первым делом окучат своими снарядами артиллеристы.

Но вот, не дожидаясь окончательного сосредоточения своей кавалерии, французская пехота кинулась в атаку. Через Каменку они перебрались довольно лихо, потому что этот водный рубеж охраняла только тонкая цепочка русских егерей, которые, сделав по одному прицельному выстрелу и уложив какое-то количество французов, отошли – частью к самой северной из трех флешей, частью на рубеж Семеновского ручья. С валов северной флешей по атакующим ударили картечью несколько орудий, но так как в ходе сражения эти укрепления уже два раза находились под тяжелым обстрелом французской артиллерии и два раза переходили из рук в руки, то и исправных русских пушек там осталось раз-два и обчелся. Пока русские канониры торопливо банили свои уцелевшие орудия, часть атакующих французских солдат, желая устранить угрозу с фланга, свернула в сторону флешей. Оттуда навстречу им почти

сразу открыли стрельбу солдаты, изначально занимавшей флешу 2-й гренадерской, а также с утра последовательно вводившихся в сражение 27-й и 3-й пехотных дивизий, к настоящему моменту основательно перемешавшиеся между собой. Чтобы остановить ружейной стрельбой свежие атакующие французские колонны, русских солдат оказалось недостаточно, и за флешу разгорелась уже третья за этот день ожесточенная рукопашная схватка, в которой французы казались достойными победы, а русские стяжали право и в смерти остаться непобедимыми.

Тем временем основная часть группировки маршала Нея, 10-я, 11-я и 25-я (вюртембергская) пехотные дивизии, построенные в штурмовые колонны, подошли к семеновскому ручью и, получив с противоположного берега в упор ружейно-картечные залпы, бросились в штыки. Завязалась ожесточенная резня, в ходе которой к французам подошли 1-я, 2-я и 3-я пехотные дивизии из состава 1-го пехотного корпуса контуженного маршала Даву – они стали продавливать два прорыва в русском фронте севернее и южнее села Семеновского, которое, защищаемое лейб-гвардии Измайловским и Литовским полками, держалось как неколебимый утес в морское прибое.

При этом надо учитывать, что всего под командой Багратиона вместе с резервами на тот момент находилось только двадцать тысяч солдат (пехоты и кавалерии), в то время как Наполеон бросил против них в атаку все, кроме Гвардии – то есть сорок тысяч пехоты, двадцать тысяч кавалерии и четыреста артиллерийских орудий. Так что в дело была пущена часть тех резервов, которые в нашей истории позже атаквали батарею Раевского, а пехотный корпус Евгения Богарне и кавалерийский корпус Груши еще только переходили наплавным по мостам реку Колочу. Видимо, Наполеон, перебрасывая войска в эпицентр разгорающейся у Семеновского мясорубки, махнул рукой на то, что творилось за рекой. А зря. Где-то далеко, почти на границе моего восприятия, большие массы русской кавалерии форсировали речку Колочу и принялись обходить французскую армию со стороны ее левого фланга. В нашей истории это был отвлекающий рейд Платова-Уварова, а теперь, если даст Бог, из этой кавалерийской группировки получится хорошая такая крышка котла, в котором будет сварена вся наполеоновская Великая Армия.

Но все это было неважно, потому что вслед за французской пехотой, которая уже была в деле, ручей Каменку, держась на почтительном отдалении от опушки Утицкого леса, начала пересекать французская кавалерия. Два кавалерийских корпуса нацеливались в прорыв южнее Семеновского, вероятно, имея задачу обойти русские войска по большой дуге и выйти в район ставки Кутузова. Еще один корпус готовился нанести удар севернее этого села. Если у северной кавалерийской группировки французов (на ум пришла фамилия генерала Латур-Мобур), и были достойные оппоненты в виде русской кирасирской дивизии и кавалерийского корпуса, то против двух полнокровных кавалерийских корпусов, выходивших в атаку через южный прорыв, с русской стороны выступала только пара кавалерийских полков.

А это значило, что пришел и наш черед вступать в игру. Полог Невидимости – побоку, Священное Алое Знамя распустишь, основное направление удара во фланг и тыл кавалерийского корпуса дивизионного генерала Нансути. Артдивизиону – один пристрелочный выстрел на начальных установках. Пики к бою, рысью в атаку марш-марш!

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 13:05. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

С недавнего времени, примерно с полудня или даже ранее, русского главнокомандующего не оставляло ощущение пристального взгляда, направленного не на него персонально – совсем нет – а на все поле битвы. И под этим взглядом все полководцы, и он в том числе, будто бы голы и нечем им прикрыть срам, ибо тот, кто смотрит, читает их замыслы как в открытой книге, записанные черным по белому. И по мере чтения сжимается в кулак на эфесе меча рука,

туго обтянутая черной кожаной перчаткой со странно обрезанными пальцами. Михайло Илларионович не знал, что таким образом он воспринимает действие энергооболочки Бога Войны, функционирующей в ипостаси боевого тактического планшета и сосредоточение кавалерии Серегина для решающего кавалерийского удара в открытый фланг наполеоновской армии.

Впрочем, старательно размышлять о своих странных ощущениях у Кутузова времени не было. На поле боя дела творились серьезные. Бонапартый, собрав в кулак все свои силы и не оставив в резерве ничего, кроме гвардии, нанес удар в стык между багратионовыми флешами и батареей Раевского. Бойня была страшная. На одного русского солдата, уставив перед собой штыки, лезло трое-четверо французов. Кто же знал, что Бонапартый, как азартный игрок, поставит все на один решающий удар; вот и 4-й пехотный корпус Толстого-Остермана вслед за 2-м корпусом генерала Баггавута снятый с резервной правогофланговой позиции, не успевает к месту решающих событий. Да что там пехота; прикрыть открытый левый фланг от заходящей на него в атаку французской кавалерии не успевают и 2-й, и 3-й кавалерийские корпуса. Да и то, был грех – снять эти полки из резерва и начать их переброску туда, где они были нужнее всего, Кутузов решил не сразу. Этот приказ он отдал лишь тогда, когда сам увидел, как противостоящий Остерману-Толстому 4-й пехотный корпус французской армии по наплавным мостам переходит на другой берег реки Колочи, скорее всего, с целью присоединиться к действиям против левого фланга русской армии.

Не успел Кутузов подумать, что теперь рейд 1-го кавалерийского корпуса генерала Уварова и восьми казачьих полков под общей командой атамана Платова из чисто отвлекающей диверсии может перерасти в нечто большее, как подскакавший офицер, спрыгнув с коня, со словами: «Срочное, ваше сиятельство!», подал Главнокомандующему свернутое в трубочку донесение. Сломав печать и развернув свиток, Кутузов прочитал несколько строк, начертанных неровным почерком, тяжело вздохнул и перекрестился.

В донесении, писаном командиром 3-й пехотной дивизии генерал-лейтенантом Коновницыным, говорилось, что некоторое время назад во время отражения французской атаки осколками вражьего ядра был тяжело ранен в бедро и живот генерал от инфантерии князь Петр Багратион, что вызвало смятение и расстройство возглавляемых им войск. Еще генерал Коновницын писал, что ввиду того, что он оказался самым старшим воинским начальником на левом фланге русской армии, то взял командование сражающимися войсками на себя и просит прислать ему замену, так как он не чувствует в себе талантов, которые бы позволили ему полноценно заменить князя Багратиона.

Ну да, командир дивизии и генерал-лейтенант совсем не та фигура, которая могла бы заменить выбывшего из строя командующего армией. Заменить фигуру такого масштаба мог бы только командующий 6-м пехотным корпусом генерал от инфантерии Дохтуров; но пройдет еще немало времени, пока он прибудет к Семеновскому (возле которого и развернулось самое ожесточенное сражение) и возьмет на себя командование. А посему генерал-лейтенанту Коновницыну придется еще некоторое время замещать раненого командующего армией на самом ответственном участке сегодняшнего сражения. От того, сумеют ли продержаться уже находящиеся там войска до подхода резервов, зависел исход всей битвы. Кто ж мог предположить, что Бонапартый соберет все свои силы в один кулак и ударит с такой силой, что сдержать его не будет никакой возможности? Едва русский главнокомандующий об этом подумал, как прямо над ухом у него кто-то скептически хмыкнул, потом откуда-то издали донеслись едва слышные слова: «Священное Алое Знамя распустить... Артиллерии – один пристрелочный выстрел на начальных установках. Пики к бою, рысью в атаку марш-марш!».

И в этот момент Михайло Илларионович почувствовал, как над полем боя вдруг прокатилась волна облегчения, будто повеяло освежающим, придающим силы ветром*. Даже Кутузову вдруг показалось, что он сбросил с плеч как минимум десяток лет, а то и два десятка. И почти сразу где-то там, в стороне Семеновского, громыхнул гром с ясного неба – будто тысяча мор-

тирных бомб рванули разом. Торопливо наведя в ту сторону подзорную трубу, русский главнокомандующий увидел неровную кляксу полупрозрачного дыма, распустившуюся над головами атакующих французских кавалеристов и бьющихся под нею в предсмертных судорогах поверженных коней и людей. Всего одна бомба (если, конечно, это была бомба), а французская кавалерия лишилась не менее чем эскадрона. Кутузову сразу вспомнились подслушанные мысли неведомого полководца про один пристрелочный выстрел. Если это была только пристрелка, то что же начнется, когда та неведомая артиллерия начнет садить по французам залпами сотен орудий?

Примечание авторов: * *Это сработало заклинание Поддержки, которым капитан Серегин в атаке подпитал своих лилиток и еще немного тех, кого считал своими.*

Но это тоже было еще не все. Мгновение спустя чуть дальше и левее того места, где французских драгун поразила чудовищная бомба, русский главнокомандующий увидел неведомо чью кавалерию; уставив вперед пики, она летела в галопе в открытый фланг атакующих французский кирасир. Опять на незнакомцах были неизвестные ни в одной армии зелено-коричневые мундиры, рослые кони кирасирских статей и трепещущие над всем этим алые знамена, одно из которых, казалось, распространяет над полем боя призрачный алый свет. Этих всадников на высоких сильных конях очень много – на глаз не меньше десяти тысяч, и их удар нацелен во фланг французской кавалерии, которая сама была намерена обойти русскую армию со стороны открытого фланга.

И в этот момент чудовищные бомбы снова стали падать на французскую кавалерию, но только теперь их было не одна и не две, и падали они аки крупный град во время грозы. Гром и грохот, блеск и ярость! В подзорную трубу хорошо видно, как сверкнувшие на мгновение ослепительные вспышки превращаются в почти незаметные дымные кляксы, как падают под ними убитые лошади вместе с их всадниками и как этот огненный вал катится над французским строем, неся хаос и уничтожение. И сразу после этого огненного удара по расстроенному неприятелю тяжелым тараном ударяет неведомая кавалерия, над которой трепещут алые знамена. В подзорную трубу видно, как брошены истраченные в первом ударе пики, и всадники берутся за палаши. Взлетают вверх сокрушающие все полосы стали; всадники в странно невзрачной форме сминают ряды французской кавалерии. Им навстречу прорубаются два русских уланских полка, только и прикрывавшие фланг русской армии. Совместными усилиями вместе с незнакомцами Литовский и Татарский полки совершенно расстраивают и обращают в бегство доселе непобедимую кавалерию Мюрата, превращая почти верную победу Наполеона в столь же верное поражение.

Тогда же. Бородинское поле, где-то южнее багратионовых флешей, атакующая кавалерийская лава.

Офицер по особым поручениям старший лейтенант Гретхен де Мезьер.

В этот день я, как всегда, заняла место в строю правее и позади Серегина. Давненько не бывало, чтобы он занимал место в боевом строю, но все равно я как его офицер по особым поручениям и, главное, как его Верная, должна хранить и беречь нашего обожаемого командира во время боя. Моя правая рука крепко сжимает пистолетную рукоять автомата Федорова, ибо супермосин слишком неудобен для кавалерийского боя. Если моему обожаемому командиру будет угрожать хоть какая-нибудь опасность, то я обязана, не мешкая, застрелить ее (то есть опасность) нахрен и скакать за Серегиным дальше, оберегая его от выстрелов в упор или от атак нескольких противников с фланга или тыла. Он у нас хоть и Бог Войны, но все равно мы, Верные, думаем, что в этом деле никакая предосторожность не будет лишней. С другой стороны от Серегина скачет его старый соратник Змей, а рядом с ним, прямо за нашим обожаемым командиром, наш бессменный знаменосец, перворожденная Агния, в специальном держателе на седле которой укреплено Священное Алое знамя.

И вообще, данный мир для Серегина какой-то особенный, и это ощущение особенности незамедлительно передается нам, Верным. Нет, он (в смысле, этот мир) еще не родной для нашего обожаемого командира, но чувствуется, что битва, в которую мы нынче вступили, носит для него священный характер. Сегодня он у нас не Великий Артанский князь, а просто богиня Немезида и Ангел мщения в одном лице. И чувствую это не только я, но и другие Верные, особенно лилитки-рейтарши. Они сегодня особенно воодушевлены, и, поднимая своих дестрие в боевой галоп, намерены не оставить от наглого врага и камня на камне* – то есть поотрубить своими палашами глупые галльские головы. Так им и надо, этим нахальным французам, чтобы больше никогда они не смели насакивать со своими претензиями на истинных арийцев.

Примечание авторов: * прожив в русском обществе почти полтора года, Гретхен де Мезьер уже чисто, почти без акцента говорит на русском языке, а вот с употреблением поговорок и крылатых выражений все еще иной раз попадает впросак.

Я знаю, что падре Александр и особенно наш обожаемый командир очень недовольны, когда я так думаю, и особенно когда говорю такое вслух, но я по-другому не могу. Да, теперь я признаю, что изначально все сотворенные Всевышним народы были равны в своем достоинстве, чтобы с гордостью, выпрямив спину, стоять перед Небесным Отцом. Но вот ведь в чем штука! Некоторые из этих народов по своей лени и разгильдяйству уронили изначально данное им достоинство в грязь, а некоторые и вообще запродали его за тридцать серебряников родичам нашего херра Тойфеля. Я еще не знаю, к какой разновидности относятся эти французы, но раз они напали на русских, их дела теперь будут плохи. Все, кто когда-то совершил подобную глупость, закончили свои дни в выгребной яме истории. Думаю, что туда же попадут и наши нынешние противники. С нашим обожаемым Серегиным шутки плохи – ночи выдержит, спички вставит, потом скажет, что так и было, и заставит прыгать.

Но это так, к слову. Прямо перед самым таранным ударом нашей кавалерии во фланг вражеского строя, когда у рейтарш пики были уже уставлены вперед, по вражескому строю беглым огнем принялась бить наша артиллерия, которая посеяла ужасное смятение и нанесла врагу серьезные потери. Мне даже не пришлось пускать в ход свой автомат Федорова: тех врагов, что остались в живых после артиллерийского обстрела, скакавшие впереди нас лилитки пробили своими пиками и в капусту изрубили большими палашами. Один только раз Серегин лично, ударив мечом плашмя, выбил из седла одного из врагов в пышно изукрашенном мундире, на ходу отдав мысленную команду, чтобы этого типа не добивали, а наоборот, пока он, оглушенный и глупый, взяли бы в плен и схомутали покрепче. Мол, это какой-то особо важный французский генерал по имени Мюрат*, который ему для чего-то нужен. Я там оглядываться не стала, но точно знаю, что этого Мюрата поймали и захомутали. Теперь, если он действительно такой ценный полководец – настолько отважный, что лично водит свои полки в атаку – то лилитки, прежде чем в целости и сохранности отдать его Серегину, обязательно воспользуются его аппаратом для получения качественного потомства.

Примечание авторов: * это мы знаем, что Мюрат маршал, но для родившейся в Мире Подвалов тевтонки Гретхен существуют только генералы (группенфюреры) и орденские магистры, но это должность, а не звание.

Лилитки вообще крепкие девки; и конные латники Гапке, которых я когда-то считала особо крутыми парнями, не идут с ними ни в какое сравнение. И это неудивительно, ведь их специально создавали как совершенных воинов высшего порядка – храбрых, сильных, бесстрашных и к тому же очень умных. А еще у них сильно развиты чувство локтя и взаимовыручка. И за своих они стоят горой. Они вообще совершеннее нас, обычных людей (даже таких высших арийцев, как русские), но нос при этом не задирают. Наоборот, высшими существами они считают обычных людей, а как самого высшего из высших почитают нашего общего обожаемого командира Серегина. А поскольку он русский, то и они хотят стать русскими, и это

у них неплохо получается. Я тоже стараюсь следовать по тому же пути (правда, у меня еще не все получается) и горжусь, что у меня такие замечательные кригскамрадши.

Одним словом, мы пробились насквозь через вражеский строй, отрезав часть французских кавалеристов от основной массы их камрадов, которые после нашего удара обратились в бегство, и прижали их к отчаянно рубящейся местной русской легкой кавалерии. Эти русские бойцы, в которых сразу же можно разглядеть истинных арийцев, несмотря на превосходство противника в классе и численности, отважно встали у него на пути и дрались насмерть до самой победы. Зато французы, поняв, что они попали между огнем и полымем, начали бросать на землю оружие, спрыгивать с коней и, подняв вверх руки, просить пощады; по крайней мере, со своим знанием латыни я именно так поняла их крики: «*Miséricorde! Miséricorde! Miséricorde!*!»

Примечание авторов: * *Miséricorde* (фр.) – милосердия. Причем на латыни это слово будет звучать почти так же – *miser cordiae*.

На этом участке сражение завершилось, и забрызганные кровью до самых верхушек четырехугольных шапок русские кавалеристы в отделанных белыми галунами темно-синих мундирах, тяжело дыша, в некотором обалдении смотрели, как наши лилитки пинками гонят в их сторону сдавшихся пленных. Тут надо сказать, что мы – те, кто уже привык к грозному виду этих совершенных воительниц – не замечают ни их большого роста, ни мускулистых фигур, ни чуть скошенных глаз, высоких скул и, самое главное, острых ушей. А для местных, надо понимать, все это еще было в диковинку*, как и униформа цвета хаки без единого блестящего предмета, в которую Серегин обмундировал свое войско.

Примечание авторов: * В силу того, что она сама девушка, Гретхен не понимает, что самое главное удивление у русских кавалеристов производят не лица лилиток, их рост или экипировка, а выпирающие вперед вторичные половые признаки внушительных размеров, которые невозможно скрыть нагрудниками улани и кирасами рейтарии. Да и сами эти элементы экипировки приспособлены к женским, а не мужским фигурам, и призваны не скрывать женские достоинства, а подчеркивать их.

Но вот от рядов местных кавалеристов, тронув бока своего коня шенкелями, отделился один, в отличие от остальных, в черном мундире, и без шапки на чуть тронутой сединой голове. Вложив в ножны окровавленный и иззубренный палаш, этот человек направился прямо к Серегину, который ждал его, положив поперек седла светящийся меч Бога Войны. Сразу было видно, что это большой начальник, поэтому передовые ряды лилиток безмолвно расступились, пропуская этого человека к нам. Он же приближался, внимательно оглядывая уступающих ему дорогу лилиток, их длинные прямые палаши, испачканные в крови до самой рукояти, их мускулистые руки, обтянутые черными перчатками, закинутые за спину супермосины, а также уверенные в себе лица и чуть прищуренные глаза. Видимо, все увиденное ему нравилось, отчего на губах у него появилась тень легкой улыбки. Наконец, не доехав до Серегина нескольких шагов, этот незнакомец остановил коня и в знак приветствия, подняв вверх правую руку, провозгласил:

– Генерал-майор артиллерии Костенецкий Василь Григорьевич, послан до вашей милости от главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Кутузова Михайлы Илларионовича с особым поручением.

Серегин не торопясь убрал меч Бога Войны в ножны и тоже поднял в приветствии правую руку, после чего ответил местному генералу:

– Капитан спецназа ГРУ Российской Федерации, командующий собственной армией, самовластный князь Великой Артании, бог священной оборонительной войны и первый заместитель архангела Михаила, он же Бич Божий, Серегин Сергей Сергеевич послан к вам на помощь самим Небесным Отцом (он же Творец или первое лицо Троицы), который желает исправить к лучшему линию жизни этого мира.

Как только Серегин произнес эти слова, в небесах, будто подтверждая их, прогремел гром, заглушивший даже грохот орудийных залпов.

Тогда же. Там же.

Генерал-майор артиллерии Василь Григорьевич Костенецкий.

Когда я следовал по поручению главнокомандующего всей русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Кутузова в деревню Утицу, мне довелось проезжать мимо расположения уланской бригады из состава четвертого кавалерийского корпуса графа Сиверса, в гордом одиночестве прикрывавшей левый фланг русской армии. И в этот момент я увидел, как, обходя разбитые флешы, в сторону несчастных улан скачет почитай вся французская кавалерия, а впереди, блестя начищенной бронзой своего облачения – прославленные кирасиры генерала Нансути, знаменитые своей выучкой. Ни мгновения не колеблясь, я обнажил саблю и встал в единый строй с уланами. Иного пути у меня не было, ибо как я мог, отговоровившись важным поручением, уехать от этих людей, готовившихся победить или умереть, но не отступить? И тогда я решил, что, несмотря на поручение главнокомандующего, вместе с уланами я вступлю в этот неравный бой; и пусть я в нем погибну, но честь моя будет спасена. Кто же мог знать тогда, что меня вела рука самого Всевышнего, и когда я вставал в строй Литовских улан, то был на верном пути, и поручение главнокомандующего само найдет меня там, среди героев, покрывших себя в том бою неувядаемой бессмертной славой.

Не дожидаясь, пока французские кирасиры ударят в наш строй всей своей массой, уланы наклонили пики с трепещущими на них флюгерами* и всей бригадой ринулись во встречную атаку. В этот момент, казалось, были слышны только топот копыт да заунывный угрожающий вой, издаваемый флюгерами во время быстрой скачки. И тут, когда до столкновения двух конных масс оставались считанные секунды, послышался низкий, усиливающийся свист, а потом в глубине вражеского строя раздался резкий грохот такой силы, будто там взорвалась целая повозка с артиллерийским порохом. Несомненно, это был разрыв чего-то вроде огромной мортирной бомбы, выпущенной орудием исполинского размера. Мне, как артиллеристу, невозможно даже представить орудие, которое могло бы метнуть снаряд такой силы. Сразу после того взрыва до наших ушей донеслось пронзительное ржание десятков раненых и умирающих лошадей. Людских же криков и проклятий за дальностью расстояния слышно еще не было.

Примечание авторов: * *флюгер – флажок на уланской пике. Звуки издаваемые сотнями флажков трепещущими на пиках во время быстрой скачки атакующих улан обычно производили на противника устрашающее впечатление.*

Кроме всего прочего, этот взрыв до определенной степени расстроил французов; многие из них стали оборачиваться и, выкручивая шеи, смотреть назад, стараясь понять, что же там произошло. В то же время наши уланы еще сильнее пригнулись к шеям коней, выставив вперед пики: они хотели как можно скорее проткнуть ими ненавистного врага. И тут, когда до столкновения наших линий остались считанные мгновения, чудовищные бомбы посыпались на французов как град во время грозы, что совершенно смешало их ряды. Ну и уланы, ободренные неожиданной поддержкой, ударили на врага изо всей силы. И вот боевые линии сошлись с лязгом, грохотом и ржанием боевых коней; почти каждый улан, скакавший с пикой в первых рядах, сумел поразить ею своего соперника. После первого удара застрявшие в доспехах и увязшие в людских телах пики были брошены, и лихое уланство под звуки горнов, сигналивших атаку, взялось за сабли и принялось рубить врагов, благо обстрел огромными бомбами уже прекратился. И я тоже не остался в стороне, со всей ненавистью нанося удары саблей. Кажется, мне удалось убить или тяжело ранить нескольких французов, а еще несколько от моих ударов вылетели из седел и теперь бессмысленно ползали под копытами коней или валялись без чувств.

И как раз в этот момент мы увидели ИХ. Массивные всадники на высоких конях, скачущие под ярко-красным знаменем, ударили французов в открытый фланг и отчасти в тыл как раз в том месте, где только что рвались чудовищные бомбы. Пока я мучительно вспоминал, у какого же государства имеется флаг ярко-алого цвета, кавалеристы неведомой армии успели истратить свои пики и, обнажив тяжелые палаши, врубиться ими во вражеский строй. Только что мы находились на грани гибели в неравном бою; но вот все поменялось и теперь уже положение французов с каждой минутой становилось все более безнадежным.

У тех, кто это видел, до сих пор стынет кровь в жилах. Неведомые солдаты, одетые в простые мундиры цвета пожухлой травы без единой блестящей пряжки, рубили французов с таким презрительным равнодушием, будто не воевали, а выпалывали сорняки на огороде. Острым, как золингеновская бритва, длинным палашам, порхавшим в их руках будто перышки, было все равно, есть на французе кираса или нет. Длинный взмах палаша, стремительный как молния удар, лязг, скрежет – и вот еще один француз оседает в седле, разрубленный от плеча до пояса. Длинные мускулистые руки давали чужакам серьезное преимущество, из-за чего их удары получали сокрушительную силу. Было видно и то, что ответные удары вражеских кирасир не достигают цели, потому что на наших спасителях тоже были кирасы, сверху обтянутые такой же невзрачной тканью, как и та, из которой были пошиты их мундиры.

И этих странных кавалеристов неизвестной никому армии было много, очень много, не меньше нескольких дивизий. Таранный удар с разгона разорвал французскую колонну напополам. При этом большую половину французской кавалерии неведомые пришельцы отбросили обратно на запад, и те, развернувшись кругом и нахлестывая коней, постарались поскорее удалиться как можно дальше от этого места, где их убивают без всякой пощады и надежды на спасение. Вторая, меньшая, половина французских кавалеристов оказалась зажатой с двух сторон между русскими уланами и неизвестными всадниками и, не выдержав этого двойного натиска, принялась бросать оружие и, спрыгивая с коней призывать нас проявить милосердие.

Схватка остановилась как бы сама собой, после чего у нас появилась возможность наконец-то оглядеться вокруг и получше приглядеться к нашим спасителям. И только тут стало очевидно, что эти рослые всадники, восседающие на мощных длинноногих конях (как правило, вороной или темно-гнедой масти) на самом деле все поголовно являются молодыми и сильными женщинами, которые при этом еще и очень красивы какой-то особенной экзотической дикой красотой. Сказать, что я был ошарашен – это все равно что ничего не сказать. И не я один. Командир уланской бригады горячий грузинский князь генерал-майор Иван Панчулидзе, весь бой сражавшийся в первых рядах и не получивший ни одной царапины, все никак не мог поверить своим глазам и не знал что ему сказать, потому что от изумления путал русские слова с грузинскими. Эти идеальные воины, вырубавшие французских кирасир будто пучки лозы на учениях, оказались бабами, суровыми воительницами-амазонками, правда, переговаривающимися между собой на вполне понятном русском языке.

Да-да, сейчас мы сблизилась с этими женщинами-воинами настолько, что стали слышны сочные чисто русские слова, которыми эти женщины воины подбадривали бредущих в нашу сторону пленных французов. А тем не оставалось ничего другого, кроме как подчиниться, по очереди косясь взглядами то на длинные окровавленные клинки, которыми их только что рубили в полный мах, то на карабины, которые сейчас были заброшены у этих воительниц за спину. Правда, командовала этим женским войском никакая не царица амазонок, а командир-мужчина, в таком же мундире как у его подчиненных. Никаких галунов, позументов, золотого и серебряно шитья; только суровая простота и ярко горящий белым огнем меч архангела Михаила, который он сейчас небрежно держал поперек седла. Одного этого меча хватило бы на то, чтобы признать в этом человеке главнокомандующего всем войском чужаков, но кроме этого от него почти зримо исходило сияние силы и власти, которое, ложась на всех его подчиненных, и превращало их в один сокрушающий все миллионнопалый кулак.

И в тот момент я понял, что именно к этому человеку посылал меня главнокомандующий русской армией и поэтому, тронув шенкелями бока моего коня, выехал из строя улан, навстречу пришелицам, по пути вкладывая в ножны изящно потрудившийся палаш. Как ни странно, воительницы молча расступались передо мной, без слов пропуская к своему командиру. Было видно, что, несмотря на то, что это войско состоит из одних баб, эти боевые женщины вполне уверены в своих силах побить любого врага, хорошо дисциплинированы и прекрасно обучены.

Но нет, эскадронными командирами в этом войске все же состояли мужчины – совсем молодые офицеры, которые, несмотря на свою юность, уже участвовали во множестве сражений и поэтому чувствовали себя вполне уверенно на этом поле, где только что погиб цвет французской кавалерии. Впрочем, была в этом войске еще одна странность, не видимая невооруженным глазом, но ощущаемая каким-то шестым чувством. В этом войске были командиры и подчиненные, но не было высших и низших, не было сословных барьеров, разделяющих офицеров и нижних чинов; да и не нижними чинами были эти воинственные женщины, а частью дружины или воинствующего ордена, вместе со своим командующим ощущаясь как неразрывное единое целое. Подтверждение этим мыслям последовало пару минут спустя, когда я подъехал туда, где под красным знаменем находился командующий всей этой армией воительниц-амазонок.

Отрапортовав по всем правилам, что меня прислали с поручением русского главнокомандующего светлейшего князя Голенищева-Кутузова, я получил ответ, которого совсем не ожидал услышать. И гром без всякой грозы, прогремевший с небес так, что были заглушены даже орудийные залпы, только подтверждал услышанные мною слова. Этот мир снова дожился до того, что в него пришел Божий Посланец! Только на этот раз это оказался не Христос с посохом в руках и в стоптанных сандалиях, а помощник архангела Михаила, приведший с собой целую армию воинствующих ангелов, ибо, несмотря на отсутствие белых одежд и светящихся нимбов вокруг голов, никем иным эти женщины странного вида быть не могли. Правда, если присмотреться, то можно было заметить, что вместо нимбов едва заметным в свете дня жемчужным светом светятся их палаши. Ну и правильно, ведь эти ангелы – воинствующие...

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 13:45. Бородинское поле, где-то южнее истока Семеновского ручья.

Капитан Серегин Сергей Сергеевич, великий князь Артанский.

Таранный удар нашей кавалерии разнес вдребезги кавалерийский корпус дивизионного генерала Нансути, большая часть французских кирасир погибла под артиллерийским обстрелом или под палашами моих верных лилиток (лично расцелую каждую), а меньшая часть сдавалась на милость победителей. Сам генерал Нансути, несмотря на мое распоряжение щадить старший командный состав противника, погиб в бою, маршала Мюрата, находившегося в рядах его корпуса, взяли в плен мои лилитки. Следующий за корпусом Нансути кавкорпус дивизионного генерала Монбрена, устранившись этой кровавой бойней, обратился в бегство, даже не испробовав приготовленного нами варева. Так как я человек щедрый, то приказал лилиткам всех пленных, за исключением генералов, пинками гнать в сторону русских войск. Во всех мирах, где я уже был, прекрасно известно, что войско Серегина полна не имеет, разве что за исключением командиров, которые подлежат обязательному допросу с последующей казнью или перевербовкой. Третьего не дано.

И вообще, ловить французам на этом фланге русской армии было уже нечего. Позади нас, густо пыля тысячами ног по проселку, двигалась 1-я гренадерская дивизия из состава третьего пехотного корпуса генерал-лейтенанта Тучкова, а за ней неровной серой массой маячили московские ополченцы. Три часа эти русские части простояли в бездействии, оказавшись в глубоком тылу после разгрома французских корпусов Понятовского и Жюно. Все это время

ушло на то, чтобы посредство мечущихся туда-сюда посыльных доложить обстановку главнокомандующему русской армии и после получения распоряжения о передислокации подготовить войска к маршу. Но теперь корпус Тучкова сможет прикрыть фланг русской армии и тем самым высвободить мою кавалерию для активных операций. И вот тогда Бонапарт узнает, что раньше было не так плохо, а настоящий амбец наступил только сейчас.

А пока мои лилитки реализуют плоды победы: собирают брошенные по полю боя пики и, попутно нанося смертельно раненым французам последние удары милосердия, чтобы те не мучились. Свои же раненых они собрали и подготовили к транспортировке к порталу. Заклинание Поддержки не даст им умереть до прибытия в Тридесятое царство, а там их уже ждут ванны с волшебной водой, квалифицированные медики из двадцатого века под началом доктора Максимовой и не менее квалифицированные маги жизни во главе с маленькой богиней Лилией. Кстати, тут выяснилось, что когда я перед атакой набрасывал заклинание поддержки на свой кавалерийский корпус, то накрыл и русскую армию, по крайней мере, ближайшую ко мне, видимую ее часть. Все признаки этого налицо. Смертельно раненые не умирают, а продолжают жить, при этом их болевые ощущения притуплены, что позволяет им оставаться в полном сознании. Так будет продолжаться еще около суток, до тех пор, пока поддерживающее их жизнь заклинание не рассеется само по себе, после чего они умрут.

Но эти русские солдаты и офицеры, сражавшиеся за Родину на этом поле, дороги мне ничуть не меньше моих лилиток, и я приказываю грузить их в подъехавшие «Медведи» вместе со своими. А ведь где-то поблизости страдает от смертельных осколочных ран в бок и бедро генерал Багратион... Посланец Кутузова тут же подтверждает – мол, да, действительно, командующий русской армией генерал-лейтенант Петр Багратион ранен в осколками разорвавшейся французской бомбы, и хоть раненый чувствует себя относительно хорошо, но осмотревшие его врачи пребывают в откровенном пессимизме: мол, такие ранения не могут кончиться ничем иным, как Антоновым огнем, за которым неизбежно последует смерть. Мол, местная медицина в таком случае бессильна. А вот это совсем нехорошо и подлежит исправлению. Только прямо сейчас ломать копья из-за этого бессмысленно, полученные раны не угрожают Багратиону немедленной гибелью, а значит, вопрос с его излечением можно отложить до конца битвы.

Если смотреть с моей колокольни, то положение на поле Бородинского сражения складывается теперь самым лучшим образом. Для начала – мой танковый полк уже вышел на предписанные ему рубежи и перерезал обе дороги на Смоленск. Если французская армия попытается отступить на запад прямо сейчас, то ее солдат и офицеров ждут непередаваемые впечатления от ощущения захлопнувшейся ловушки. Одновременно с юга к полю битвы подходят два моих пехотных легиона. Двадцать тысяч бойцов, вооруженных по стандартам русско-турецкой войны 1877 года, в данное время являются серьезным тактическим козырем, особенно если выложить его после того, как противник на поле боя уже получил один шокирующий удар. Одновременно с этим казаки Платова и корпус регулярной кавалерии генерала Уварова, совершая обходной маневр, уже подошли к деревне Беззубовке и пинком выбили оттуда итальянскую кавалерию, прикрывавшую левый фланг французской армии. На том направлении французы обезжирены и обескровлены; Наполеон, собирая войска для атаки на багратионовы флешы, оставил на левом берегу Колочи только слабые заслоны. И пехотный корпус Евгения Богарне, и кавалерийский корпус Груши полностью перешли на противоположный берег Колочи, оставив без прикрытия новую смоленскую дорогу. Чтобы Бонапарт не передумал и не вернул войска на другой берег, я приказал своему тезке открыть артиллерийский огонь по переправам. Что с возу упало, то пропало.

На направлении главного удара французам, кстати, тоже несладко. Их очередную атаку русские полки отбили с большим уроном для противника, и теперь французские войска вынужденно отходят к многострадальным, с обеих сторон обильно политым кровью флешам, чтобы перегруппироваться и снова броситься в атаку. Туда же, бочком-бочком, чтобы держаться

подальше от опушки Утицкого леса, подтягивается французская артиллерия, перед тем находящаяся в центре напротив батареи Раевского. Следом тянется артиллерия, переброшенная с другого берега Колочи, та что ранее поддерживала действия итальянского корпуса Евгения Богарне. Те же батареи, что прежде обстреливали багратионовы флеши, в настоящий момент полностью покинуты расчетами, ибо любое шевеление среди орудий тут же пресекается выстрелами из супермоновых с северной опушки Утицкого леса. Это бывшие дикие амазонки так развлекаются, показывая мастер-класс прицельной стрельбы, и тем самым на треть уменьшая количество Наполеоновской артиллерии.

А вон там, на проселочной дороге, со стороны деревни Утицы, показались густые клубы пыли, в которых нет-нет мелькает что-то такое неопределенное цвета хаки. Это на рысях скачут мои конноартиллерийские батареи и прикрывающие их специальные конно-гренадерские роты. А это такие добры молодцы, с которыми лучше не связываться. Вот сейчас они доскачут до своих позиций на фланге русской армии и развернутся в сторону врага. И тогда настанет французам настоящее «счастье», ибо восьмикилограммовый шрапнельный снаряд из четырехфунтовой пушки* на максимальных установках трубки летит на три с половиной километра, а граната, или та же шрапнель, поставленная на удар, имеет дальность уже в шесть с половиной километров. Даже трех с половиной километров дальности хватает, чтобы простреливать поле боя хоть вдоль, хоть поперек, хоть по диагонали. Шевардино со ставкой Бонапартия уж точно попадает под поражение. Но по нему мы артиллерийский огонь открывать не будем, потому что Наполеон нужен мне живым и желательно здоровым.

Примечание авторов: * Секрет сих пушек прост. Берется бронзовая гладкоствольная казнозарядная пушка производства мастера Чохова из мира Смуты и в ее разогретый до трехсот градусов ствол вкладывается тонкостенная нарезная труба-лейнер производства автоматических мастерских «Неумолимого» из высоколегированной стали. И все – переделка гладкоствольного орудия в нарезное готова. Со снарядами сложнее, по крайней мере, в этом мире, где еще неизвестен даже влажный пироксилин. Черный порох хорош только для начинки шрапнелей, а вот фугасные гранаты с его применением получают откровенно никакие. По крайней мере, если смотреть с колокольни двадцатого и двадцать первого веков. Но, с другой стороны, слабые гранаты с начинкой из черного пороха – это все же лучше, чем вообще никаких гранат.

В принципе, песенка Бонапарта давно спета, только он об этом пока не подозревает. Сейчас мои конные артиллеристы доскачут до своих позиций, развернутся и начнут ему это объяснять, взяв под шрапнельный обстрел французские войска, скапливающиеся напротив Семеновского. В двух артиллерийских бригадах, приписанных к пехотным легионам, у меня имеется сорок восемь легких орудий, так что французским войскам под их обстрелом придется несладко.

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 14:15. Там же, на Бородинском поле, где-то южнее истока Семеновского ручья.

Генерал-майор артиллерии Василь Григорьевич Костенецкий.

Я отослал одного из улан гонцом к светлейшему князю Михайлу Илларионовичу Кутузову с сообщением, что на поле боя прибыла армия Великого княжества Артанского в двенадцать тысяч конных, тридцать тысяч пеших, с артиллерией и обозом, после чего остался пребывать подле Великого князя Серегина, дабы попытаться понять, кто он такой и как управляет своей прекрасно вышколенной армией. На первый взгляд мне показалось, что он вообще ею не управляет. Никак. Прекрасные воительницы великанских статей действовали сами по себе, без всяких команд и окриков, но не успевал я протереть глаза, как все необходимое проделывалось без единого слова со стороны командующего, по большей части погруженного в какие-то свои размышления. Особенно поражал сей факт на фоне наших улан (которые, конечно,

тоже неплохие рубаки, но без энергичного руководства полковых, эскадронных и взводных командиров толком не могут сделать ни одного дела).

Я долго ломал голову над этим вопросом, пока адъютант Великого князя, виконтесса Гретхен де Мезьер, совсем еще юная девушка, не сжалилась надо мной и не пояснила, что Серегин, как истинный бог войны, управляет своим войском исключительно силой мысли, в чем ему помогает какая-то энергооболочка. Дело в том, что все артанское войско, до единого человека, состоит из тех, кто принес Серегину клятву верности, засвидетельствованную самим Господом. Причем это особая клятва. Не только Верные (как они себя называют), обязаны службой Серегину, но и он обязывается действовать в их интересах, не бросать в беде, излечивать при даже самых безнадежных ранениях и делать еще множество вещей, которые по силам только Посланцу Господа на этой грешной земле. Поскольку эти клятвы засвидетельствованы самим Господом, то Серегину не надо отвлекаться на управление своим войском. Он знает, что нужно сделать, его люди исполняют, а потом так же мысленно рапортуют; и так предводитель Артанской армии узнает, что сделано, а что нет. Великий князь вообще щедрый господин, вроде уже давненько почившего в бозе Светлейшего князя Потемкина – вот с кем Серегин спелся бы сразу. Тот тоже говаривал, что деньги – ничто, зато люди – все.

Итак, первым делом суровые воинствующие дамы собрали свои тяжелые пики, оставленные в телах убитых врагов после первой атаки. При этом они не собирались в кучки для того, чтобы посплетничать, подобно обычным женщинам. Вместо этого они действовали так же слаженно и целеустремленно, как и тогда, когда рубили палашами французских кирасир. Походя, не отвлекаясь от основного занятия, артанки прирезали тяжело раненых французов, а получивших ранения своих боевых подруг и наших улан собирали с поля боя и грузили на специально приспособленные для этого самодвижущиеся повозки, которые доставят их в артанский гошпиталь, который находится в каком-то там Тридесятом царстве. Мол, обычный человек будет всю жизнь идти и не дойдет, а по повелению Великого князя Артанского стоит сделать всего один шаг – и ты уже там... там, где из-под земли бьет фонтан живой воды, а озверевшее солнце жарит с небес будто в адском пекле.

Когда я стал говорить, что мы тоже не дикари и у нас имеются свои гошпитали, Сергей Сергеевич только махнул на меня рукой. Мол, после пары дней в нашем госпитале больше половины раненых лично познакомится со Святым Петром, а в их госпитале кого живым доведут, тот так жив и останется, а через неделю на своих ногах бегать будет. А доведут всех, это он лично гарантирует как Бог священной оборонительной войны. Оказывается, перед каждым боем Сергей Сергеевич благословляет свое воинство. И именно это благословение, наполненное дарованной Господом благодатью, позволяет его раненым воительницам, несмотря на тяжесть ранений, продержаться до тех пор, пока до них доберутся артанские военные медики и отнесут к источнику живой воды, от которой, мол, раны затягиваются сами собой. Но в этот раз так уж получилось, что это благословение накрыло не только атакующее артанское войско, но ближайšie к нему русские полки. А может, и не только ближайšie – он, мол, того пока не ведает. Но ведает другое. Раз его благословение уже подействовало и на русских солдат, значит, мы с ним уже одной крови. Я не понял, что означает это «уже», но ведь точно – было такое чувство перед самой схваткой, когда меня будто прохладной водой окатило, и рука стала особенно тверда, а глаз остер.

Пока мы этак разговаривали с Сергей Сергеевичем, подчиненные ему артанские эскадроны, полки и дивизии, снова готовые к бою, как-то сами собой выстроились к атаке. Только сигнала им никто не давал, поэтому рослые воительницы, обряженные в мундиры цвета пожухлой травы, ровно сидели в своих седлах, лишь изредка перебрасываясь короткими фразами со своими товарками. Как я понял, Великий князь Артанский ждал, пока на поле боя не выйдут его пешие полки, которым предназначено нанести последний смертельный удар во фланг и тыл французской армии. При этом резервный кавалерийский корпус под личным командованием

Великого князя Серегина должен был связать боем уже один раз битую французскую кавалерию, чтобы не дать ей возможности помешать запланированному разгрому.

Но первой на поле битвы появилась не артанская пехота, а легкая полевая артиллерия, ненамного отличающаяся по подвижности от кавалеристов. Четыре коня, впряженные в легкую пушку с передком, и еще столько же лошадей тянут отдельный зарядный ящик, а весь расчет, в таких же невзрачных мундирах, тоже верхами скачет рядом с орудиями. И тут же на рысях – особые конно-гренадерские роты, прикрывающие батареи от натиска вражьей пехоты. В подзорную трубу видно, что это здоровенные плечистые мужики, между которых нет-нет попадаются такие же здоровенные, заматеревшие в боях бабенции.

Но вот артанские батареи доскакали до намеченных для них позиций; четко, как на параде, развернулись в сторону противника, и уже через минуту, выбросив плотные клубы белого дыма, жажнули дружным залпом в сторону флешей, оставленных нами после упорного боя. Я во все глаза смотрел на эту вопиющую демонстрацию превосходства артанской артиллерии над русскими орудиями, потому что не прошло и пятнадцати секунд, как эти же пушки сделали второй залп, а еще через столько же времени – третий. При этом для того, чтобы пробанить ствол и зарядить орудие, прислуга не заходила к пушке со стороны дула, производя всю свою деятельность со стороны казенной части. В подзорную трубу было видно, что зарядание этой пушки действительно производится с казенной части, где после манипуляций одного из членов расчета открывается отверстие, куда суют проволоочный банник*, затем продолговатый снаряд, а уже после – заряд в пороховом картузе, с виду почти обычном. Именно это казенное зарядание и, безусловно, прекрасная выучка, позволяли пушкарям вести стрельбу с такой убийственной частотой.

Примечание авторов: * в пушках с картузным заряданием необходимо банить зарядную камеру, чтобы в ней не осталось ни одного тлеющего клочка холста, оставшегося от картуза предыдущего выстрела. А иначе недалеко до беды, ибо холст такого картуза пропитывается селитрой для полной сгораемости, и воспламеняется он от малейшей искры, что при незакрытом затворе может вызвать тяжёлые ожоги и смерть для расчета.

Что при этом творилось у флешей, где в плотную кучу сбилась чуть ли не половина французской армии, слабонервным дамам лучше не описывать. Плотные белые клубы дыма, вспухающие с некоторым недолетом перед французским строем, видимо, производили эффект, схожий с картечным обстрелом. Пушки, люди, кони – все это, сбившееся в плотную массу перед флешами, подвергалось беспощадному истреблению, при этом ответные французские ядра не долетали до позиций артанских артиллеристов. Долго терпеть такой безнаказанный обстрел, убивающий самым беспощадным образом, французы не смогли и, оборотившись кругом, под громовые крики «ура» и улюлюканье русских солдат побежали прочь на свои прежние позиции, откуда и начали сегодняшнее наступление. При этом они бросали пушки, знамена, своих раненых товарищей, лишь бы оказаться подальше от того места, где их так беспощадно убивают. И именно в этот момент из опушки Утицкого леса стали выходить неровные цепи артанских пеших полков. Не осталась на месте и русская линия, ранее отошедшая на рубеж Семеновского оврага; теперь она перешла в наступление, чтобы, соединившись с неожиданными союзниками, добить злобного врага, незванным гостем вторгшегося на русскую землю.

Четыреста шестьдесят третий день в мире Содома. Зброшеный город в Высоком Лесу.

Кавалерист-девица Надежда Дурова.

Когда меня ранило, я даже не почувствовала боли. Я видела взмах палаша, рукоять которого сжимала рука французского кирасира, пыталась парировать его своей саблей, но немного не успела – и его лезвие врубилось мне в левое бедро. Сапог тут же наполнился чем-то горячим, я пошатнулась в седле и, выпустив из ладони рукоять сабли, упала на шею верному Орлику. С

ужасом и тоской я бросила взгляд на свою ногу, которая была разрублена наискось до самой кости; из нее фонтаном хлестала кровь.

Смертный холод охватил мою душу; в каком-то отчаянном, инстинктивном желании обмануть смерть, спастись, я попыталась дать Орлику шенкелей, чтобы вырваться из этого ада, где люди и кони сошлись в жестокой схватке, где лязгает сталь о сталь и гремят выстрелы. Я не задумывалась о направлении, просто отчего-то мне казалось в ту минуту, что для того, чтобы выжить, необходимо двигаться, неважно при этом, в какую сторону. Но левая нога меня не слушалась; более того, я потеряла равновесие и неловко соскользнула с конской спины на землю, из последних сил удерживаясь руками за поводья.

Тогда-то и пришла боль. Она была мучительной; кажется, я стонала, скрипела зубами... Эта боль была похожа на всепожирающее пламя – она подавляла собою остальные чувства, не давая думать больше ни о чем. Я пыталась ползти – неважно, куда и зачем, лишь бы не оставаться на одном месте. И все это время где-то рядом ржали кони, гремели выстрелы, и сталь лязгала о сталь. С трудом преодолев несколько метров, я осознала, что это все, на что я была способна. Единственное, что мне удалось сделать – это перевернуться на спину. Мне хотелось видеть небо – то самое небо, с которого на меня сейчас взирает Всевышний... Наверное, во мне говорило неосознанное желание привлечь Его внимание, попросить о спасении мертвеющими губами, хотя бы об облегчении этой невыносимой боли...

И боль вправду стала утихать. Но вместо нее меня одолел какой-то странный озноб. Наверное, это происходило от большой кровопотери... Я ощущала слабость, а во рту появилась сухость. Тем не менее сознание мое оставалось ясным.

Глядя в синеющую высь широко открытыми глазами, я не могла разлепить высохшие губы для последней молитвы, и только мысли мои устремлялись вверх, в небеса – душа моя, исполненная уже торжественною обреченностью, просила Господа о прощении и о Царствии Небесном... Мое тело постепенно заполнял холод; жизнь вытекала из меня вместе с кровью. Все звуки доносились словно сквозь вату в ушах – крики рубящихся бойцов, выстрелы из ружей и пистолей, лязг сабель, а также стоны раненых и умирающих. А вот запахи ощущались остро, словно каким-то непостижимым образом они усилились в несколько раз. Запахи прелой травы, сырой земли, пороховой гари... А еще какой-то сладковатый, беспокойный, смутно знакомый запах... В какую-то минуту я догадалась – то был запах человеческой крови. Ведь вокруг меня – множество мертвых и умирающих... Да и сама я, скорее всего, больше не жалец на этом свете. Хоть и чертовски хочется еще пожить... Такое чувство, будто я еще не совершила на пользу Отечества всего, что могла бы...

Как же жаль умирать... А ведь Господь ранее всегда благословлял меня и отводил смертельную опасность... Почему же на этот раз Небесный Отец не спас меня? Неужели Он разгневался за что-то? Неужели очень скоро я предстану перед Ним в чертоге Его небесном? О нет, такого не должно случиться, он не мог позволить мне погибнуть в этом бою! Я шла в это сражение с чувством приподнятости и уверенности в том, что я уцелею и мы непременно победим... Да, кажется, победа уже за нами – это радует... Но отчего же сама я лежу с разрубленной ногою, чувствуя, как все глубже проникает в меня смертный холод?

В то время как мудрая душа моя готовилась к смерти, тело мое, еще достаточно молодое, управляемое горячим сердцем, отчаянно стремилось жить. Я двигала пальцами рук, словно бы стараясь убедиться, что все еще жива, я жадно смотрела в небо, боясь, что вот сейчас оно начнет тускнеть в моем угасающем сознании... А оно было синим, пустым и каким-то празднично-беспечным, это небо. Но лик Господа не сиял в нем призрачным видением, и ангелы не порхали там, в лазурной вышине... Тем не менее откуда-то на меня снисходила твердая уверенность, что Господь видит все, что теперь со мной происходит... В этот момент приближения смерти я как никогда отчетливо стала ощущать Его присутствие. Он не покинет меня, он позаботится обо мне... но вот каким образом – это оставалось непознаваемо для моего скуд-

ного человеческого разума. То ли он явит мне чудо и я выживу (что вряд ли), то ли, уготовив уже место в Царствии Своем, заберет скоро душу мою туда, в вышний мир, мир блаженства и покоя...

Я все ждала своей смерти, а она никак не приходила. Боль не ощущалась вовсе; впрочем, как и раненая нога. Сознание оставалось ясным, несмотря на то, что из меня, кажется, уже вытекла вся кровь. Это было для меня весьма удивительным, ибо я видела не раз, что происходит с теми, кто получил подобное ранение – они белели, черты их заострялись, и в конце концов они будто засыпали – но то была смерть... Я же испытывала только слабость. Мне было уже чрезвычайно трудно шевелить пальцами рук, но я продолжала это делать, всякий раз радуясь тому, что члены мои все еще подвижны и не захвачены умиранием. Кроме того, в моей голове стали возникать совершенно неожиданные для данной ситуации мысли – я думала не о себе и своей скорой кончине, не о предстоящей встрече с Всевышним, а о других вещах. Эти думы мои на самом деле являлись выводами из того, что воспринимали мои органы чувств, обостренные как никогда (за исключением разве что снизившегося слуха, но это было даже хорошо, так как оглушительный грохот пушек не позволил бы мне так умиротворенно размышлять и анализировать). Выводы, сделанные моим разумом, гласили – пришла помощь! Победа близка! Проклятые французы сдаются и отступают!

И вот звуки близкой схватки стихли. Где-то в отдалении еще продолжался бой: гремели орудийные и ружейные залпы, в единый рев смешивались русские и французские боевые кличи; но тут, вокруг меня, воцарилась благодатная тишина... И в этой тишине, которую нарушали лишь крики уцелевших врагов, бросивших оружие и жалобно взывающих к милосердию, слышалось торжество и ликование наших славных воинов, сумевших отстоять землю русскую от врага... Теперь же пришло время скорбному занятию – собирать раненых и оплакивать убитых товарищей... Кровь из моей ноги почти перестала струиться; наверное, ее больше не осталось во мне. Веки мои сделались тяжелыми от неимоверной слабости, и пришлось мне прикрыть глаза свои. Что ж, коли суждено мне именно сейчас отдать душу Господу – значит, быть тому. С такими ранениями не выживают... скорее всего, меня даже не успеют донести до лазарета. И пусть. Лучше умереть от раны, чем от стыда в тот момент, когда полковой хирург соберется оттяпать мне ногу и обнаружит, что я женщина.

Храня перед мысленным взором своим небесную синь – последнее впечатление этого мира – я готова была перейти в мир иной. И лишь одна мысль назойливо скреблась в моем сознании, отравляя значимость момента: какова же будет реакция боевых товарищей моих, когда они, подобрав мое мертвое тело, обнаружат, что я не мужчина? И думы об этом настолько беспокоили меня, что мне даже стало казаться странным, что в такой момент я тревожусь о подобных пустяках. Там, в Чертогах Отца Нашего, мне будет уже все равно, как отнесутся другие к моему обману. Главное, что сам Господь видит суть натуры моей, и только Он может осудить меня или же простить... Уповаю на прощение, ибо не из каприза глупого и не из извращенных побуждений притворялась я мужчиною, а исключительно из желания познать полной мерою свободу духа, что даровал нам Всевышний... Чиста душа моя перед Ним; воистину не совершила я никаких смертных прегрешений, что отвратили бы лик Его от меня навеки! Что было по неразумению либо по незнанию – в том каюсь искренне, ибо грешен человек от природы своей. Но во всех своих помыслах и устремлениях всегда озиралась я на волю Его, и во все дни дух Его животворящий пребывал со мною! Спаси меня, Господи, спаси и помилуй!

Но нашли меня не мои боевые товарищи, уланы Литовского полка, а чужаки в мундирах цвета пожухлой травы; они-то (как я узнала уже после), ударив в спину французским кирасирам, и решили схватку в нашу пользу, под корень вырубili целую французскую кавалерийскую дивизию. Но тогда я этого не знала. Просто около меня раздались тяжелые и уверенные шаги нескольких человек, затем чей-то голос на русском языке с незнакомым мне акцентом произнес:

– Вот этот тоже живой! Бери его!

И тут же несколько пар рук слаженно подхватили меня и со всей возможной бережностью уложили на носилки, после чего куда-то понесли. Дивно было все это; дивно и странно, ибо несущие меня вполголоса переговаривались между собой женскими голосами; они обсуждали какого-то обожаемого командира, который, как всегда, победил... Будучи несколько озадачена этой странностью, я уж было подумала – а не ангелы ли это небесные так заботятся обо мне? Впрочем, я постаралась пресечь свои мысли касательно несущих меня людей. Скоро все выяснится... если я, конечно, доживу до этого момента. Блаженно было лежать на носилках и ощущать спокойную и могучую уверенность, исходящую от крепких рук этих то ли женщин, то ли ангелов...

Я не помнила, как отключилось мое сознание. Раскачиваясь на носилках, я погрузилась в дрему, итогом которой могло стать только небытие; когда же я очнулась, то все окружающее показалось таким странным, что мне проще было счесть это за сон.

Первое, на что я обратила внимание – это то, что лежу я в воде. Да не в простой воде – вся она будто светилась, и в ней вспыхивали разноцветные огоньки. Я лежала так, что над поверхностью была только моя голова; все же остальное было погружено в эту удивительную жидкость, которая свойством своим делать тело чрезвычайно легким походила на морскую воду. Лежать здесь было до удивления комфортно – вода имела приятную температуру, а вдыхаемый мною воздух был легок и свеж, словно бы накачивался сюда с цветущих летних лугов.

Емкость, в которой я находилась, была похожа на ванну, выдолбленную из какого-то гладкого камня. Вертя головой по сторонам, я обнаружила, что нахожусь в просторном помещении с высоким потолком, воздух в котором также пронизан мерцающими огнями, а вокруг меня – спереди, с боков и, наверное, сзади – целые ряды таких вот «ванн», из которых тоже торчат чьи-то головы. Окон в этом помещении не было, и это наводило на мысль, что нахожусь я в каком-то подвале. Впрочем, подземелье это не было мрачным, а, скорее, загадочно-привлекательным. Кроме того, оно было наполнено тихими умиротворяющими звуками – плеском воды и звоном капель, что создавало впечатление своеобразной мелодии.

Большинство из тех людей, что лежали в ваннах, закрыв глаза, находились в полудреме, но некоторые, подобно мне, уже пришли в сознание и с любопытством пытались озираться по сторонам. Мерцающие в воздухе разноцветные огни и пляшущие по поверхности воды яркие искры создавали атмосферу покоя и внутренней созерцательности, а кроме того, смазывали черты моих соседей, не давая мне разглядеть их лиц. И где-то вдаль в этом сияющем тумане двигались неясные фигуры служителей этого места, одетых в белые ангельские одежды. Они будто бы кого-то укладывали в ванны или, наоборот, доставали.

Так, пребывая в уверенности, что нахожусь под воздействием сна или бреда, я озиралась вокруг, прислушивалась к звукам и собственным ощущениям. На душе моей было спокойно, даже присутствовала некоторая эйфория; впрочем, подобное не раз бывало со мною во сне – когда понимаешь, что мир сей нереален, и потому, что бы с тобой ни происходило, ты находишься в полной безопасности.

И вдруг я сообразила, что лежу в ванне абсолютно голой! Паника уже было начала пожирать меня, когда я напомнила себе, что это просто сон. Однако, даже успокаивая себя таким образом, я не могла отделаться от чувства мучительной неловкости. При всем при этом я обнаружила, что не могу делать резких движений – все тело казалось будто бы скованным (да-да, именно так и бывает во сне), но тем не менее я хорошо ощущала все свои члены. И даже раненую ногу... Как же так? Она на месте? Кажется, будто она цела и даже не болит... Только я не могу пошевелить рукой, чтобы потрогать то место, куда пришелся удар французского палаша и убедиться в том, что моя нога цела. Ах ну да... Все равно все это мне снится или видится в предсмертном бреду...

Чуть уняв волнение, я наконец решилась опустить глаза вниз и посмотреть на себя, благо эта чудная вода отличалась кристальной чистотой и прозрачностью. Я увидела свое тело – тело женщины, которое я так ненавидела, к которому испытывала отвращение. Но в эту минуту у меня почему-то не возникло столь неприязненных чувств к своему естеству, как это обычно бывало, когда мне случалось разоблачаться (разумеется, в строгом уединении). А может быть, мне просто было не до этого, так как я увидела удивительное зрелище, затмившее все остальное: рана на моей ноге присутствовала, но далеко не в том виде, в каком должна бы, не будь это сном. Вместо разрубленного почти наполовину бедра я видела свою ногу вполне целой, пусть и изуродованной толстым белым рубцом. Радужные огоньки целыми стайками резво скакали по этому рубцу; они деловито копошились, словно тысяча маленьких существ, штопающих, сшивающих и восстанавливающих то, что было нарушено ударом отточенной стали.

Внимательно прислушиваясь к своему разуму, я уловила тот момент, когда происходящее более не казалось мне сном. Эйфория, свойственная сновидению, стала проходить, давая повод предположить, что она была вызвана искусственно. Ко мне возвращалась способность критически оценивать происходящее, а вместе с ней приходило и беспокойство наряду с растерянностью: где я? что со мной?

Одно лишь было для меня несомненно – я в безопасности. Более того, мне оказывают помощь. Что же до странности происходящего, то наверняка скоро все выяснится... Трудно было смириться лишь с тем, что мои спасители, кем бы они ни были, знают теперь о том, кто я на самом деле... Ведь кто-то же раздел меня догола, прежде чем погрузить в эту целительную ванну.

А вот, кажется, и они. Судя по звуку шагов, гулко отдающихся в этом похожем на пещеру помещении, в направлении меня двигались несколько человек. Если это мужчины, то мне лучше прямо сейчас утопиться со стыда прямо в этой ванне... Как это я предстану перед ними голой?! Прислушавшись к голосам, я с облегчением поняла, что приближающаяся группа людей состоит из одних только особ женского пола, и особ этих не более двух. Они непременно переговаривались меж собой, и голоса их звенели некоторой беспечной веселостью, отчего мне даже показалось, что в этом сумрачном помещении стало немного светлее. Поскольку приближались две эти женщины откуда-то сзади, где, стало быть, и находился вход, то я не могла видеть их, учитывая, что способность быстро поворачивать шею была мне пока еще недоступна.

Эти две женщины останавливались возле каждой ванны и разговаривали с теми, кто в них находился. Отвечающие голоса были мужскими... Та это что, выходит, я одна здесь женщина?! И эти мужчины, что вокруг, тоже... голые? Что же это значит, в конце концов?

Мне оставалось лишь надеяться, что мужчины, окружающие меня, так же беспомощны, как и я, и что они не смогут вылезти из своих ванн с тем, чтобы поглазеть на меня, корнета Александрова, который оказался обладателем женского тела...

А тем временем женщины приближались. Судя по всему, они были кем-то вроде врачей; они расспрашивали о самочувствии, а также подбадривали болезных обитателей этого странного подземелья.

Наконец дело дошло и до меня – кажется, они намеренно решили побеседовать со мной в последнюю очередь. Эти двое предстали передо мной, глядя на меня весьма приветливо. Одной из них оказалась молодая женщина неопределенных лет, облаченная во все белое, включая и странного фасона шапочку на голове, скрывающую волосы. Даже не считая ее необычного одеяния, было в ней нечто, говорящее о принадлежности ее к какой-то совсем другой разновидности женщин, нежели те, которых я знала. Нет, сейчас я не могла бы указать, что именно так поразило меня; пожалуй, это была целая совокупность признаков: жесты, манера держаться и разговаривать, а более всего – выражение ее глаз. В них, сквозь стекла очков удивительной формы, отчетливо сквозила уверенность в правильности своего места в жизни, воля, реши-

тельность и глубокий ум. Поскольку все эти качества были мало свойственны знакомым мне женщинам, то в ней я почувствовала нечто родственное. Разница была лишь в том, что я была вынуждена скрывать свой пол...

Мысленно сказав себе, что к необычным, пожалуй, следует привыкать, я переключила внимание на вторую персону. Это была девочка... на вид ей было что-то около двенадцати-тринадцати лет. Образ ее являл собой то ли подражание своей взрослой спутнице, то ли пародию. Она была одета точно так же, и даже на носу ее красовались такие же очки, немного ей великоватые. Выражение ее глаз уловить было трудно. Когда я пыталась это сделать, у меня возникало чувство, будто это глаза не девочки, а взрослой женщины, прожившей множество лет и умудренной огромным жизненным опытом... Впрочем, возможно, это мне лишь чудилось в силу моего состояния. В целом эти двое производили двойное впечатление. Несмотря на некую гротескность, от них веяло серьезностью и компетентностью, и от одного их присутствия мое беспокойство стало проходить.

Они же с улыбкой переглянулись, и наша беседа началась.

– Здравствуйте, голубушка Надежда Андревна, как ваше драгоценное здоровьишко? – немного ерничая, спросила девочка, а женщина кивнула мне в знак того, что присоединяется к приветствию.

– Спасибо, лучше, чем могло бы быть... – ответила я, мучительно гадая, откуда им могло стать известно мое настоящее имя. Кроме того, было очень непривычно слышать к себе такое обращение от девочки, да еще и с фамильярной приставкой «голубушка» – меня так не называли уж очень, очень давно. Впрочем, нетрудно было догадаться, что мне хочет показать «маленькая докторша», а именно – что им известно обо мне многое, если не все, и что отныне мне придется очень тесно общаться с ними и им подобными.

– Что ж, отрадно это слышать, – произнесла женщина. – А теперь, раз уж ваше самочувствие позволяет адекватно воспринимать действительность, позвольте представиться – Максимова Галина Петровна, главный врач этого в самом прямом смысле слова богоугодного заведения.

– А меня можете называть просто Лилия! – сказала девочка и лукаво подмигнула мне. – Между прочим, я богиня, а не халам-балам, и лет мне больше, чем вы, Надежда Андревна, можете подумать... Просто мне нравилось быть маленькой девочкой, а теперь так быстро не повзрослеешь... Эх, прощайте, подростковые любви... Впрочем, это неважно! – она махнула рукой и, поправив очки и внимательно меня оглядывая (вкуче с той частью меня, что находилась в воде), сказала: – Я вижу, регенерация проходит отлично... А вам как кажется, Галина Петровна?

– Соглашусь с вами, Лилия, – кивнула госпожа Максимова, – восстановление идет достаточно быстро, что говорит о мощнейших жизненных ресурсах данного организма, хотя сам он несколько ослаблен суровыми условиями жизни... Какой у нас там анамнез, Лилечка?

Возможно, я чего-то не заметила, но мне показалось, что бумага, которая появилась в руках у этой самой Лилии, возникла прямо из воздуха. Фокус? Не знаю; впрочем, что-то мне подсказывает, что отныне мне придется удивляться еще не раз.

– Глубокая рубленая рана левого бедра, осложненная большой потерей крови, – стала зачитывать «богиня». Она произносила много непонятных мне слов, а в конце и вовсе перешла на латынь.

Галина Петровна только кивала, слушая с внимательным видом свою помощницу, над головой которой мне вдруг стало видеться слабое свечение (впрочем, мне это могло и показаться).

– Что ж, – сказала докторша, когда ее маленькая спутница закончила свой доклад, – пожалуй, относительно данного ранения прогноз вполне благоприятный. Думаю, что после завершения курса лечения мы будем иметь полную ремиссию с восстановлением всех функ-

ций поврежденной конечности. Но в любом случае после извлечения из резервуара товарищу Дуровой потребуются провести повторный осмотр и назначить дополнительные процедуры. В-первых, с ее ноги будет необходимо убрать этот безобразный шрам и, кроме того, при сеансе твоей, Лилия, пальцетерапии могут быть выявлены какие-нибудь скрытые до сей поры заболевания, которые придется лечить уже другими методами... Мда... – Склонив голову, госпожа Максимова внимательно посмотрела на меня, словно что-то прикидывая, а затем произнесла: – Полагаю, Надежду Андреевну можно будет извлечь из регенерирующей ванны уже через сутки.

– Извлечь? – разволновалась я. – Но простите, уважаемая Галина Петровна, как же это возможно? Как вы будете... эээ... извлекать меня, если тут кругом одни мужчины?

При этих моих словах маленькая докторша нахмурилась (как мне показалось, притворно), а взрослая, сочувственно вздохнув, сказала:

– Честно говоря, те, кто принесли вас сюда, не могли знать о том, что вы женщина, ведь вы были одеты в мужскую одежду. Вам требовалась срочная магическая помощь в виде регенерирующей ванны, погрузив в которую, человека уже нельзя вытаскивать и куда-то перемещать до завершения полного курса лечения. Но вы не переживайте, Надежда Андреевна, сейчас на вашу ванну, как и на все остальные, наложено особое маскирующее заклинание, из-за которого вашим соседям просто неинтересно смотреть в эту сторону, а также слушать наши разговоры. На самом деле для дипломированного мага это просто пустяк. Думаю, что в тот момент, когда придет ваше время покинуть это место, мы что-нибудь придумаем, чтобы избавить вас от стыда и неловкости... А пока... нет ли у вас каких-либо жалоб или пожеланий?

Говоря это, докторша смотрела на меня с лаской и участием, отчего я была немало трогана, и даже почувствовала щипание в переносице. Только бы не расплакаться! Я настолько свыклась с ролью мужчины, что даже теперь, когда в этом не было уже никакого смысла, старалась удержать в себе это чисто женское побуждение дать волю своим чувствам... Я избегала докторов на всем протяжении моей службы. Мне приходилось это делать, так как любой врач мог без труда разоблачить меня. Если меня что-то беспокоило, то я никому не говорила об этом, надеясь, что само пройдет. Так оно обычно и получалось.

И сейчас я испытывала чувство благодарности к этой докторше, за то, что она так участливо интересуется, нет ли у меня жалоб или пожеланий.

– Спасибо, я всем доволен... – Тьфу ты, какая досада! Говорю о себе по привычке в мужском роде. Ну не поворачивается у меня язык говорить сообразно своему истинному полу! Кажется, что стоит сделать это – как тут же обрядят меня в юбку и посадят за ненавистное рукоделие! Хотя и понимаю, что в теперешней ситуации мои слова звучат до крайности нелепо. Впрочем, обе докторши сделали вид, что их вообще не волнует, в каком роде я о себе говорю. Прекрасное чувство такта!

– Вы уверены? – переспросила девочка.

– Ну... – медленно проговорила я, – разве что за исключением того, что мне неловко находится здесь в таком вот разоблаченном виде... но, как я понял, с этим пока ничего нельзя поделать. Хорошо хоть, что это, как вы сказали, маскирующее заклинание не позволяет всем этим мужчинам смотреть в мою сторону и слушать наши разговоры.

– Вы правильно понимаете, Надежда Андреевна, – кивнула Лилия своей прелестной головкой, одетой в белый цилиндрический колпак, – увы, вам придется потерпеть... Смотрите на свое тело и привыкайте к тому, что вы не мужчина... как специалист, настоятельно вам это рекомендую. – Она внимательно взглядела в мои глаза. – Вы понимаете? Со всей ответственностью заверяю вас, что у вас больше не будет необходимости притворяться мужчиной... Да-да. И еще вам предстоит сделать множество удивительных открытий – как относительно произошедших событий, так и насчет самой себя...

Я только кивала. Конечно же, меня не мог не разбирать интерес, что подразумевает под «открытиями» эта странная девочка, мне ужасно хотелось узнать все это немедленно, но я напомнила себе, что нужно иметь терпение и выдержку.

И тут маленькая «богиня», сочтя, что можно уже переменить тему, вкрадчиво осведомилась:

– А не хотите ли вы покушать, Надежда Андревна?

И только тут я осознала, что и вправду ужасно голодна...

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 14:45. Бородинское поле, деревня Горки. Ставка главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии Михайлы Илларионовича Голенищева-Кутузова

Когда южнее багратионовых флешей во фланг наполеоновской армии часто загрохотали пушки неведомых пришельцев, выбрасывая при этом вполне обычные клубы порохового дыма, главнокомандующий русской армией встал со стульчика, который за ним повсюду таскали адъютанты, и перекрестился. В подзорную трубу было видно, как распускаются в воздухе белые облачка разрывов гранат капитана Шрапнела, как под беспощадным обстрелом падают убитые и раненые, как смешавшиеся ряды французов обращаются в беспорядочное бегство. В битве наступило такое положение неустойчивого равновесия, когда даже одна дополнительная соломинка способна сломать спину верблюду; однако тот, кто привел на это поле солдат в мундирах цвета пожухлой травы, бросал на весы победы далеко не солому. Внимательно наблюдающий за полем боя Кутузов едва не пропустил тот миг, когда кусты на опушке Утицкого леса расступились и под прикрытием артиллерийского обстрела на открытое пространство стали выходить густые стрелковые цепи пехотных легионов.

Почти сразу после их появления в Горки на загнанном, тяжело дышащем коне ворвался молоденький запыханный корнет в мундире Литовского уланского полка. Подскакав к тому месту, откуда русский главнокомандующий наблюдал за ходом сражения, гонец соскочил с коня и, протягивая Кутузову пакет, опустился на одно колено.

– Послание к вашей Светлости от генерала Костенецкого! – выкрикнул юноша восторженным голосом, – мы победили и враг разбит!

– Встаньте, юноша, – ответил Кутузов, принимая сложенный несколько раз лист бумаги, – отдышитесь, представьтесь, наконец, и внятно расскажите, что там произошло. О том, что враг разбит, я знаю и без вас. У меня хоть и всего один глаз, но видит он ничуть не хуже, чем ваши два.

– Корнет Еремин, Ваша Светлость, – сказал корнет, поднимаясь на ноги, – ну как же я расскажу вам, что произошло, когда я почти ничего не видел? Сначала мы ударили в пики навстречу атакующим французам, потому что генерал Панчулидзеv сказал, что если мы будем ожидать их атаки, стоя на месте, нас сразу же сомнут...

– Узнаю Ивана Давыдовича, – степенно кивнул Кутузов, быстро прочитавший коротенькую записку Костенецкого, – и, кстати, он был совершенно прав. Стоять кавалерии на месте в таком случае смерти подобно. Но давайте, юноша, продолжайте. Вы ударили по французам в пики, и что дальше?

– Сначала было тяжело, – честно признался корнет, – но мы рубились так, будто это наш последний бой, не надеясь победить, а только умереть с честью. Потом в один миг стало легче. Рубящиеся с нами французы стали мешкать и оглядываться на звуки боя, который неожиданно начался в их тылу. Мы же, напротив, надели на них с такой неистовой яростью, будто от этого зависела сама наша жизнь и спасение души. И тогда французы, вырубаясь и спереди и сзади, все из них, кто еще был жив, принялись бросать оружие и сдаваться в плен.

– Очень хорошо, юноша, – подбодрил Корнета Кутузов, – рассказывайте дальше; почему я должен тянуть из вас клещами каждое слово, будто вы не русский офицер, а пойманный нашей разведкой вражеский лазутчик?

– А потом, ваша Светлость, – корнет покраснел как юная девица, – мы впервые увидели артанское войско. Высоченные мускулистые ээ... не то девки, не то женщины, восседающие на больших конях преимущественно гнедой или вороной масти, гнали сдавшихся французов в нашу сторону, при этом говоря им такие русские слова, которыми не принято выражаться при дамах...

– Скажите, юноша, – посмеиваясь, спросил генерал Кайсаров, – я не понял, кто был гнедой или вороной масти – девки или все же их кони?

– Разумеется, кони, Ваше Высокопревосходительство, – ответил корнет, – у тех девок цвет кожи хоть и смуглый, навроде цыганского, но гнедым либо вороным его все же не назовешь. А еще на их лицах зеленой краской были нарисованы такие размазанные полосы, вроде как боевая раскраска у индейцев; как первый раз посмотришь, так сразу жуть за душу берет. Которые из них спешили, сразу оказались на две головы выше любого из нас. Плечи у этих девок широченные и руки длинные, зато в талии они вельми узки, и ноги, хоть и длинные, но стройные. И сиси тоже большие-пребольшие...

– Молодой человек, – остановил корнета Кутузов, – разговор о ножках и сисях оставьте лучше для своих приятелей, а нам лучше расскажите об их командующем Великом Князе Артанском.

– Виноват, Ваше Высокопревосходительство, исправлюсь, – покрасневший корнет опустил голову. – Самовластный Великий князь Артанский плечи имеет широкие, глаза серые, видом вельми мужественен и суров. Войско его любит и почитает как отца родного и старшего брата. Посмотришь и скажешь – вот он, настоящий командир, отец солдатам. Смотришь – и сердце разрывается, почему у нас не все генералы настолько хороши и почему сейчас мы здесь бьемся под Москвой, а не французы под Парижем. Ведь были же походы генералиссимуса Суворова, когда наша армия вела войну наступательную и дралась в Италии и Швейцарии, на чужой, а не на своей территории. Если бы вы, Ваше Высокопревосходительство, сами видели бы Великого Артанского князя, то сразу же все поняли бы, а я всего лишь молодой корнет – сегодня есть, а завтра меня нет. Кстати, Ваша Светлость, нету у меня более приятелей, polegли все в рубке супротив французских кирасир, одному мне в сей схватке довелось остаться невредимым, а из прочих, тех, кто еще жив, большинство испустит дух еще до сегодняшнего вечера*. А если бы не Артанский князь и его воинство, то всех бы нас втоптали в землю на том рубеже, ибо Литовские уланы погибают, но не отступают и не сдаются. Потому я и радовался так той победе, ибо большой кровью она нам далась, и чудесным было наше спасение, там где никакого спасения не должно было быть вовсе.

Примечание авторов: * Корнет Еремин еще не знает, что те из его приятелей-сверстников, кто не был убит наповал, уже плавают в регенерирующих ваннах с живительной волшебно-водой. И что все они, пережившие тот бой, уже через весьма короткое время начнут выздоравливать и при этом проявлять неподдельный мужской интерес к обслуживающему их медперсоналу из бывших мясных.

Конечно, услышав такие дерзкие речи от какого-то корнета, Кутузов мог бы закричать на наглеца, затопать ногами и замахать руками, дабы пресечь поток дерзостей, но во-первых – легла уже на Бородинское поле тень чего-то великого, делающего подобное поведение командующего неподобающим, а во-вторых – Михайло Илларионович и сам не был особенно склонен к подобным проявлениям начальственной спеси. Но в то же время русский командующий не знал, что ответить молодому офицеру и чем его ободрить. Положение спас генерал Кутайсов, попросивший корнета Еремина показать свою саблю. Когда тот выполнил просьбу, то стало

видно, что лезвие оружия испещрено свежими зарубками и царапинами – а это говорило о том, что этой саблей совсем недавно яростно и очень упорно рубились с врагом.

– Корнет Еремин, – сказал увидевший эту саблю Кутузов, – за отличие, проявленное по службе, храбрость и героизм, поздравляю тебя званием поручика. Надеюсь, что ты и дальше будешь честно и гордо нести высокое звание русского офицера. Виват!

Корнет, то есть уже поручик, Еремин шмыгнув носом от расстройства чувств, хотел было что-то сказать – такое эдакое, благодарственное; но как раз в этот момент генерал Кутайсов вытянул руку, указывая куда-то вдаль в южном направлении.

– Ваша Светлость, – произнес он, обращаясь к Кутузову, – смотрите, кто это там скачет под красным знаменем рядом с генералом Костенецким? Часом не сам ли Артанский князь решил нанести нам визит вежливости?

Кутузов бросил внимательный взгляд на группу быстро приближающихся всадников в мундирах цвета пожухлой травы, над которыми трепетало от быстрой скачки их священное алое знамя, после чего перевел взгляд на поручика Еремина.

– Скажите, юноша, – спросил русский главнокомандующий, – вон тот человек рядом со знаменосцем – это случайно не сам ли Великий Артанский Князь Сергей Сергеевич Серегин?

Новоиспеченный поручик, которого чем дальше, тем больше понимал Призыв, тут же с восторгом подтвердил, что да, в настоящей момент к Ставке русского главнокомандующего приближается сам Великий Артанский князь Серегин, собственной персоной, с личной охраной и ближними помощниками. А значить это может только то, что пришло время кончать эту тянущуюся будто бесконечная канитель* битву с Наполеоном.

Примечание авторов: * *Тонкая металлическая (обычно золотая или серебряная) нить, употребляемая для вышивки узоров на офицерских и генеральских мундирах. В переносном смысле – длительное и утомительное, но часто бесполезное и ненужное занятие.*

– Думаю, юноша, что, несмотря на свою молодость, вы весьма недалеки от истины, – согласился Кутузов, которого тоже одолевали схожие чувства*, – у меня тоже есть такое мнение, что конец Бонапартия близок, и что наш неожиданный союзник скачет сюда, чтобы утвердить план по окончательному разгрому супостата.

Примечание авторов: * *поскольку Серегин может контролировать силу издаваемого им Призыва только в ограниченных пределах, с момента открытия порталов этот фактор начал действовать как на русскую, так и на французскую армии. Ни Наполеон, ни Кутузов, несмотря на всю свою привлекательность для солдат и офицеров, не были соперниками Серегину в борьбе за их души. Да, собственно, начиная эту кампанию, Серегин и сам не подозревал о возможности столь неожиданного результата своего пребывания в 1812 году. Впрочем, все самое интересное по этой части у него еще впереди.*

07 сентября (26 августа) 1812 год Р.Х., день первый, 15:25. Московская губерния, Бородинское поле, деревня Шевардино, Ставка Наполеона.

Французский император стоял на Шевардинском холме, по привычке засунув правую руку за отворот сюртука. Прямо перед ним, на злосчастном Бородинском поле, умирала его Великая армия, точнее, то, что от нее оставалось к трем часам пополудни. Французские полки, зажатые со всех сторон врагами и избиваемые ружейным и пушечным огнем, редели с каждой минутой. Неся тяжелые потери, сбившиеся в кучу солдаты наполеоновской Великой Армии медленно, но неуклонно, шаг за шагом, отступали в сторону своих исходных позиций и также медленно их преследовали сверкающие уставленными вперед штыками русские полки. И каждый шаг этого отступления оставлял на пропитанной кровью земле все новые и новые трупы французов, итальянцев, немцев, голландцев, поляков и прочих представителей двенадцати языков, что незванными пришли на русскую землю.

Французская артиллерия, на которую возлагалось так много надежд, бездействовала. Она не могла сделать по атакующим русским полкам ни единого выстрела. Ужасные, разрывающиеся прямо в воздухе гранаты капитана Шрапнела и плотный ружейный огонь со стороны стрелковых цепей, наступающих под красными знаменами с южного направления, выбил расчеты и заставил замолчать французские пушки. К тому же еще в самом начале отступления его (Наполеона) войскам пришлось бросить большую часть своей артиллерии, ранее подтянутой для обстрела русских укреплений по Семеновскому ручью, и теперь эти пушки уже находились за спинами наступающих под барабанный бой русских полковых колонн. Неприятель, атакующий Великую армию с южного направления, выглядел не так красочно и ярко, как собранные в кулак русские полки, но это не мешало стрелковым цепям, одетым в мундиры цвета хаки, собирать с французов свою жатву смерти. Выстрелы – столь же частые, сколь и меткие – уносили одну солдатскую жизнь за другой. При этом огонь велся с такой запредельной дистанции, что выпущенные в ответ французские пули просто не долетали до вражеских солдат.

Но страшнее всего была артиллерия пришельцев, которая, не сходя с позиций, без труда насквозь простреливала все поле боя. Отсюда, с Шевардинского холма, были отчетливо видны невинные облачка белого дыма, с небольшими недолетами почти беззвучно вспухающие чуть в стороне от французских войск. Каждое такое облачко порождало сноп картечи, одним махом уносящий жизни десятков французских солдат. Сам артиллерист до мозга костей, Наполеон Бонапарт проклинал того, кто выдумал такие ужасные и гранаты наносящие такой ужасный ущерб его армии. В неприкосновенности оставалась лишь его Гвардия, замершая в ровных колоннах в ожидании приказа своего Императора. Его приказа. Скажи он: «Гвардию в огонь!» – и они пойдут и умрут с его именем на устах. Но стоит ли оно того, когда битва уже проиграна и торжествующий враг явно берет верх?

Его верные маршалы – командующий Молодой Гвардией Эдуар Мортье, командующий Старой Гвардией Франсуа Лефевр и командующий гвардейской кавалерией Жан-Батист Бессьер – в ожидании приказа наготове стоят чуть поодаль. Только отдать приказ... А стоит ли? Проиграна не просто битва у Москвы-реки*; проиграна вся кампания этого года в России. И брошенная им в огонь Гвардия ничего в этом поражении не изменит, только продлит бессмысленную агонию. Неведомый союзник русских, действуя совершенно ничтожными силами**, буквально растер его Великую армию в порошок и смешал этот порошок с дерьмом. Сами русские, конечно, дрались отважно, но их неожиданные союзники, выступающие под красными знаменами, одетые в скромные мундиры цвета пожухлой травы, превратили это сражение в какой-то расстрел безоружных. Наполеон и сам был любитель расстреливать из пушек неподвижные вражеские полки, но то, что творили незнакомцы, было непостижимо даже его уму.

Примечания авторов:

* так Бородинское сражение именуется во французской историографии.

** 48 орудий, 20 тысяч пехоты и 12 тысяч конных егерей армии Серегина, на фоне численности противоборствующих в Бородинском сражении армий – это действительно немного. Численность французской армии – 102 тысячи пеших (пехота + артиллерия), 28 тысяч конных, при 587 орудиях. Численность русской армии – 86 тысяч пеших (пехота + артиллерия), 24, 5 тысячи конных (регуляры + казаки), при 640 орудиях, из которых половину Кутузов оставил в резерве, из-за чего эти пушки не принимали участия в бою, в то время как французская артиллерия участвовала в сражении в полном составе.

Император самолично имел возможность наблюдать, как отчаявшийся от непрерывного обстрела храбрый дивизионный генерал Монбрен повел в атаку оставшихся в строю последних кавалеристов Мюрата. Пух и прах, прах и пепел, блеск сабель и палашей, пики с яркими знаками и чудом уцелевшие в предыдущих атаках полковые знамена. Сам главнокомандующий французской кавалерией еще три часа назад бесследно сгинул, в первых рядах возглавив злощастную атаку в обход сильно укрепленного Семеновского, и Наполеон больше не чаял уви-

деть его живым. Головная часть атакующей французской колонны тогда была вчистую вырублена все теми же рослыми всадниками на высоких конях, и Мюрат тоже наверняка находился среди сотен погибших кавалеристов, сплошным ковром тел усеявших окровавленную русскую землю. Впрочем, Наполеон забыл о том, что никто этих французов в Россию не звал и приносить европейскую цивилизацию на русскую землю не просил.

С расстояния в полтора километра в подзорную трубу прекрасно было видно, как при угрозе атаки остановились и уплотнились ошетилившиеся штыками стрелковые цепи, превращаясь в обычные двухплутонговые линии. В то же время солдаты в несколько иной, чем у всех остальных, форме (которые до того, ничего не предпринимая, группами по трое двигались в интервалах между цепями) тоже остановились и принялись собирать какие-то странные аппараты вроде коротких толстых ружей на низких раздвижных треногах. Сначала по атакующей французской кавалерии частыми залпами ударили ружья пехотинцев, заржали раненые кони, солдаты и офицеры стали выпадать из седел, но это были еще цветочки. Ягодки наступили тогда, когда первые французские всадники были уже в паре сотен шагов от яростно отстреливающих пехотинцев. Второй раз за этот день над Бородинским полем раздалось яростное «тра-та-та-та-та», которые издавали те самые аппараты на низких треногах. Несколько томительных мгновений – и все смешалось на поле сражения. Кони и люди беспорядочно валились на землю, будто срезанные огромной косой, а те, что пытались подняться, тут же вновь валились наземь, уже окончательно, сраженные насмерть. Это было страшнее плотных убийственных залпов пехотных каре, а также выбрасываемых пушками смертоносных картечных снопов. И против такого лютого и безжалостного врага бросить последний резерв, свою гвардию? Нет, нет и еще раз нет!!!

– Сражение проиграно, господа, но война еще нет, – сообщил Император окружившим его генералам и маршалам. – А раз так, то наша главная задача – выбраться из этой дикой России, в которую мы так неосмотрительно залезли. Мортье и Лефевр, командуйте гвардии отход, ибо промедление подобно смерти.

– А как же ваши солдаты, сир, что сейчас сражаются и умирают за Францию? – спросил у императора маршал Бертье, указывая на полуокруженные с трех сторон французский войска, непрерывно избиваемые при этом ружейным и артиллерийским огнем. – Неужели вы бросите их умирать в безвыходной ситуации, когда окружившие их враги жаждут кровавой мести?

– Наша Великая армия уже погибла, мой дорогой Бертье, – ответил Наполеон, особо напирая на слово «уже», – но милая Франция пока жива. Прежде чем мы еще раз встретимся на поле боя с этими исчадиями ада под красными знаменами, с их дальнобойными пушками и адскими машинами, способными истреблять любые количества солдат, нам должно сначала как следует подготовиться. Но если мы попытаемся выручить то, что и так уже погибло, то навсегда останемся на этом поле боя, а вместе с нами погибнет и сама Франция. Поэтому настоятельно прошу вас поторопиться, пока еще имеется возможность в полном порядке отступить вместе с Гвардией, а не то вот-вот нас примутся поторапливать пинками в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.